

Владиславъ Сырокомля.

I.

Изъ всѣхъ родныхъ земель нашихъ наиболѣе богатъ не только минеральными источниками, но и кастанльскими ключами самородной поэзіи—край принѣманскій. Намъ извѣстно по сказаніямъ лѣтописцевъ, что тамъ нѣкогда цвѣла пѣснь вайделотовъ, при дворахъ мелкихъ кунинговъ или князей. Но время совершенно засыпало тотъ источникъ и прикрыло его крестомъ, такъ, что раскрыть нынѣ старую ложбину еще труднѣе, чѣмъ найти въ Пуняхъ слѣды замка Пулленъ, въ которомъ Кондратовичъ помѣстилъ своего Маргера. Изъ креста, прикрывшаго прошлое, и изъ польско-дворянскаго духа произросло новое растеніе, котораго расцвѣтъ, озаренный блескомъ и славой, наступилъ лишь въ такое время, когда и самый крестъ былъ уже нѣсколько расшатанъ, а шляхетность, переставъ быть учрежденіемъ, уже переходила изъ жизни въ пѣснь, то есть, когда предстояло пѣвцамъ бальзамировать останки могучаго нѣкогда сословнаго организма.

Поэзія похожа, по законамъ своего роста, на ту американскую агаву, изъ породы кактусовъ, которая выпускаетъ цвѣтъ только разъ въ цѣлое тридцатилѣтіе и всего на нѣсколько часовъ. Различіе — въ томъ, что поэзія цвѣтетъ еще рѣже, съ неопредѣленными, иногда многовѣковыми даже, перерывами. Новѣйшую поэтическую эпоху у насъ открылъ Мицкевичъ. При извѣстии

о его смерти другой поэтъ — Сигизмундъ Красинскій написалъ многозначительныя слова: «для людей моего поколѣнія онъ былъ медомъ и молокомъ, желчью и кровью духовною; всѣ мы—отъ него; онъ поднялъ насъ волной своего вдохновенія и бросилъ на свѣтъ, онъ величайшій поэтъ всѣхъ племенъ славянскихъ ¹⁾».

Умственные силы цѣлаго народа обратились къ этому поэтическому творчеству, въ немъ приняла участіе и Литва; прошелъ по слѣдамъ Мицкевича почти необозримый рядъ его товарищей, его подражателей, польскихъ поэтовъ литовской школы. Послѣднимъ по времени, въ числѣ наиболѣе способныхъ изъ ихъ числа и наиболѣе самостоятельныхъ, былъ Людовикъ Кондратовичъ, извѣстный сперва подъ псевдонимомъ Владислава Сырокомли ²⁾. Въ прекрасномъ трудѣ, посвященномъ его жизни и произведеніямъ, извѣстный критикъ Тышинскій сравниваетъ Кондратовича съ заходящимъ надъ Нѣманомъ солнцемъ поэзіи, яркимъ еще и полнымъ, но не жгучимъ, бросающимъ уже смягченные лучи. Самъ Кондратовичъ, вмѣстѣ съ раздражительностью и жаждой славы, соединялъ нѣкую боязливую скромность, никогда не пробовалъ высокихъ полетовъ, не вѣщалъ съ треножника, и пѣсни свои приравнивалъ лишь къ пѣнію принѣманскаго соловья, къ игрѣ доморощеннаго музыканта среди сельскихъ бѣдняковъ ³⁾. Онъ называлъ себя еще деревенскимъ пѣвцомъ, который не ищетъ родственныхъ себѣ душъ на пиру богача, гдѣ показался бы послѣднимъ изъ послѣднихъ долженъ былъ бы стоять у порога:

На пирѣ богатыхъ привѣтствіемъ дружнымъ
 Не будешь ты встрѣченъ и гостемъ ненужнымъ
 Въ дверяхъ постоишь, какъ лакей...
 Печальную пѣсню-ли, гимнь-ли священный,
 Все слушаютъ тупо они съ неизмѣнной
 Холодной насмѣшкой своей»...

¹⁾ Kronika Rodzinna 1875 г. стр. 168. Письмо по извѣстіи о смерти Мицкевича.

²⁾ Syrokomla—название герба.

³⁾ Т. VI. Изданіе стихотвор. Л. К. стр. 313.

(Т. VI. 313); такимъ пѣвцомъ, который избѣгаетъ вельможныхъ господъ, что платять деньги и судять купленный товаръ; («только тебѣ, толпѣ сермяжной, дарю напѣвы подь жниво, пою въ тактъ звяканью косъ» VII, 248).

Кондратовичъ безпрестанно возвращается къ этой любимой темѣ и варьируетъ ее на-ново ¹⁾. Самая красивая изъ этихъ варьяцій, можно даже сказать—одинъ изъ лучшихъ алмазовъ польской поэзіи, это—стихотвореніе: «Деревенскій пѣвецъ». (VII, 242), идиллія написанная въ Залучьи, въ 1852 г. Тамъ есть обращеніе къ поющей лирѣ «изъ волшебнаго дерева»:

«Отъ тебя нѣтъ отбою, не натѣшусь тобою,
Подь твой звонъ оживая;
Сердце птичкой трепещеть, а въ лицо такъ и хлещеть
Кровь моя огневая.
Пусть рука наболѣла, въ сердце горе назрѣло,
Но играть буду съ жаромъ...
Вѣдь, ты, лира—даръ Божій.. я гусярь переходій
И умру я гусяромъ.
Ты, пѣвучая лира, чародѣйка для міра,
Но какъ ножъ ты опасна»...

которая и самому пѣвцу даетъ ощущеніе счастья, когда закипитъ въ немъ кровь и окраситъ блѣдное его лицо: «пусть больно рукѣ, пусть и сердцу больно». Лира бываетъ и карой божьею: «какъ острый ножъ порою пѣсна».

Пѣвецъ—человѣкъ простой, но берегущій свою независимость и честь своихъ пѣсенъ:

«Пѣть, бряцаая струпами, передь Богомъ во храмѣ,
Предь народомъ въ харчевнѣ...

.

Чародѣйная лира! Пусть не знаю я міра
И живу слезъ отравой,

¹⁾ VI. 247. Посвященіе побасенокъ; 154. «Не я пою»; 186. Пѣсенька; 236. Подь флейту; VII, 5. Похоронное шествіе; 206. Что такое поэтъ; 299. Молчаніе поэта.

Но въ тебѣ чту я сиду, и сойду я въ могилу—
 Ты моей будешь славой.
 Поплывуть твои звуки, будутъ знать ихъ и внуки
 И—чужда ей преграда —
 Моя пѣсня иная, долетитъ до Дуная
 И до Кіева—града».

Каждый поэтъ испытываетъ желаніе начертить на память для потомства свой силуэтъ; по большей части эти нравственные портреты выходятъ польщенными, бываютъ красивѣе оригиналовъ. О Кондратовичѣ этого сказать нельзя: подлинникъ остался до конца вѣренъ изображенію, въ бѣдѣ и нуждѣ; пѣвецъ дѣйствительно умеръ съ рукой еще на струнахъ своей лиры, и не склонивъ ни передъ кѣмъ головы, не униживъ пѣсни, съ неодолимой гордостью, прибавимъ—гордостью не личной, но—профессіональной, истекавшей изъ взгляда на искусство, какъ на нѣкоторую святыню, изъ опасенія «презрѣнье къ пѣсни возбудить».

Высказывая свой образецъ въ «Деревенскомъ пѣвцѣ», Кондратовичъ ставилъ своей цѣлью и задачей—быть не только національнымъ, но, и въ особенности — народнымъ; писать не для салоновъ, сдѣлаться любимцомъ людей неразборчивыхъ и простыхъ. Въ этомъ занятіи имъ положеніи, онъ былъ близокъ по духу Тарасу Шевченкѣ, «Кобзаря» котораго онъ и перевелъ, въ значительной части, на польскій языкъ. При такомъ сходствѣ слѣдуетъ, конечно, зачесть различіе происхожденія, первоначальнаго воспитанія и національности. Кондратовичъ былъ дворянинъ, который хотѣлъ «опроститься»—изъ любви къ народу, снизить и приспособиться къ его понятіямъ; Шевченко же былъ настоящій крестьянинъ, проникнутый преданіями казачества, выросшій однако высоко надъ средою, какъ дубъ на украинской степи. Но у обоихъ таже простота и свѣжесть впечатлѣній, оба почти одинаково любятъ довольно скудной природою своего края, у того и другаго равный реализмъ въ описаніи простыхъ предметовъ, взятыхъ пре-

имущественно изъ сельской жизни, равная глубина чувства, съ оттѣнкомъ однако: у Сырокомли—большей трогательности вмѣстѣ съ нѣскольکو — шутливымъ тономъ, у Шевченки — большей страстности, смѣшанной съ мрачной дикостью. У обоихъ ихъ одинаковая неспособность къ олицетворенію темъ историческихъ, мыслей болѣе глубокихъ и сложныхъ; а наконецъ оба были осуждены на бездѣтность, не нашли вокругъ себя людей, которымъ бы могли завѣщать или отдать свои деревянные лиры, предназначенныя къ истлѣнію.

Тарасъ Шевченко, какъ былъ одинокъ при жизни, такъ остался и доселѣ, сравненіе съ дубомъ въ степи вѣрно и здѣсь. Долгаго времени и особенно—благоприятныхъ обстоятельствъ требовалось-бы на то, чтобы степь эту облѣсить посаженными и старательно взрожденными деревьями; а еще раньше, чѣмъ они выростутъ, промышленность и желѣзныя дороги могутъ измѣнить и бытовые условія того края. Кто можетъ знать—не утонетъ-ли украинщина въ великомъ теченіи русской культуры, не пойдетъ-ли на пищу и въ ростъ этому исполинскому тѣлу, утрачивая свою отдѣльность и самостоятельность литературную. Инымъ было положеніе Кондратовича, выросшаго и воспитавшагося въ великой, исполненной выработанныхъ традицій поэтической школѣ. Въ тотъ моментъ когда Кондратовичъ умиралъ, школа эта въ своемъ обще-польскомъ составѣ, включая и литовскую ея отрасль, сама уже приближалась къ концу, вполне уже исчерпавъ свою задачу, выразивъ уже въ пѣсни всѣ свои идеалы. Каждое общество тѣмъ склоннѣе бываетъ любоваться идеалами, чѣмъ менѣе имѣетъ возможности дѣйствовать, заниматься реальнымъ общественнымъ дѣломъ. Польское общество было страстно влюблено въ свои полусонныя мечтанія, потому что втеченіи полувѣка ему не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ только мечтать. Ему не осталось ничего, о чемъ бы надо было совѣтоваться, чтѣ оно могло бы рѣшать, не было ничего такого, что соединяло-бы руки въ какой-

нибудь, хотя бы мелкой, но самостоятельной и гласной работѣ.

Наступило однако такое время, когда не стало болѣе матеріала—даже и на созиданіе той или другой мечты, когда не прибывало уже и новыхъ впечатлѣній, которыя бы толкали воображеніе все въ ту-же сторону. Притомъ время это принесло съ собой и новыя, давно ожидаанныя перемѣны, коренное измѣненіе въ самомъ общественномъ бытѣ—освобожденіе крестьянъ.

Если жизнь общества сравнить съ игрою, то можно сказать, что наступилъ моментъ, когда карты были вдругъ перетасованы. Произошла суматоха, замѣшательство, полное диссонансовъ, какъ бываетъ обыкновенно, когда вступаютъ въ борьбу взаимно-противные элементы и матерьяльные интересы, когда появляется въ новомъ, еще не урегулированномъ рутинною видѣ, борьба за существованіе, за «твое и мое». Можно съ увѣренностью сказать, что еслибы даже не произошло ошибочное и гибельное по послѣдствіямъ дѣло 1863 года, то жизнь всетаки потекла бы инымъ русломъ и совершился бы поворотъ къ критикѣ, къ позитивизму, распространились бы теоріи преимущественно матеріалистическія, въ которыхъ была прямая потребность, хотя бы какъ въ силѣ для оплодотворенія вновь—истощенной столь долгимъ временемъ почвы.

Во многихъ отношеніяхъ Кондратовичъ стоялъ выше своей эпохи; онъ какъ мы постараемся доказать—былъ по тенденціямъ своимъ усерднымъ и дѣятельнымъ новаторомъ. На немъ поэзія прежней школы уже заканчивала свою эволюцію и возвращалась назадъ, къ источнику, изъ котораго первоначально вышла—къ народу. Съ вершинъ она ниспадала на землю, какъ зрѣлый жолудь, она зарывалась въ почву, чтобы дать начало новому растенію. Но новой школы она вдругъ вызвать не могла. Надо замѣтить, что лично Кондратовичу трудно было найти подражателей; прелесть его поэзіи заключается не въ высотѣ полета, не въ богатствѣ и разнообразіи сюжетовъ, даже не въ манерѣ и методѣ пѣсни, но въ той личной осо-

бенности, какую мы наблюдаемъ въ гортани соловья и которую найдемъ въ беззавѣтномъ увлеченіи поэта, — въ томъ что его личная натура дѣлала изъ него какъ бы самый совершенный музыкальный инструментъ, отзывавшійся стройно и громко на каждое прикосновеніе, притомъ невольно, такъ что онъ звучалъ до самой той минуты, когда порвались струны.

Поразительное и любопытное для психолога явленіе представляло это восторженное увлеченіе пѣснью — до самозабвенія, это «пѣніе на-смерть», съ сохраненіемъ полного блеска таланта до послѣдняго вздоха груди, въ тѣ моменты, когда уже перо не держалось въ рукѣ и въ мозгѣ мысли уже смѣшивались, переплетались. Остановимся надъ этимъ послѣднимъ періодомъ жизни поэта, обнимающимъ 1861 и 1862 годы, по день смерти, 15 сентября. Это—періодъ быстро шедшаго разложенія организма, но вмѣстѣ и тотъ, въ которомъ были написаны: «Поэзія послѣдняго часа» и «Мелодіи изъ дома умалишенныхъ». Изъ Борейковщины, имѣнія Тышкевичей, Кондратовичъ переѣхалъ въ Вильно, перенесся въ уличный грохотъ и шумъ. Посѣщаютъ его безпрестанно люди знакомые и незнакомые, которыхъ онъ любитъ, но предпочелъ бы имѣть подальше, потому что они утомляютъ его и надѣдаютъ ему, отнимаютъ у него время и выкуриваютъ сигары, которыя для поэта были роскошью (письмо къ Хенцинскому въ соч. Крашевскаго «В. Сырокомля» стр. 188). Во всю свою жизнь поэтъ нуждался: «rapen sageo», писалъ онъ еще въ 1854 г. Крашевскому, обремененный содержаніемъ семьи въ полтора десятка душъ. Отсюда—необходимость писать и писать, продавать еще на корню будущую умственную жатву, непріятная зависимость втеченіе всей жизни отъ евреевъ за квартиру, за полученные задатки. Славный на всю Литву поэтъ часто нуждался въ дровахъ, писалъ при сальной свѣчкѣ. Къ лишеніямъ и непріятностямъ присоединились физическія страданія; артритизмъ лишилъ его движенія ногъ; не принесло пользы лѣченіе въ Друскеникахъ и Бирштанахъ;

оказались расширеніе селезѣнки и печени, кровохарканіе, наконецъ чахотка—при полномъ сознаніи приближавшагося конца («solum mihi superest sepulchrum», Крашевскій 172), который Кондратовичъ предугадывалъ еще двумя годами раньше въ «Смерти соловья» (1859 VII. 195).

Развѣ одинъ Гейне страдалъ сильнѣе и долѣе. И у Кондратовича, какъ у Гейне, пѣснь не прерывается, самая болѣзнь, въ перерывахъ страданій, становится темою, перетопляется волшебствомъ страдальца—поэта въ чистое золото пѣсни; надъ судьбой своей онъ подсмѣивается добродушной шуткой, трунить надъ смертью, заливаясь шаловливымъ, дѣтски-звонкимъ смѣхомъ, пишетъ чудесную буффонаду «Овидій на Полѣсьи» (VII. 252 г.), забавляется комичной картиной своихъ похоронъ:

«Съ колокольни въ околоткѣ
Слышенъ хриплый, какъ въ чахоткѣ,
Звонъ за упокой.
Мужиковъ босыхъ двѣ пары,
Всѣ какъ эта церковь стары,
Бѣдный гробъ несутъ;
Со свѣчами двѣ вдовицы —
Двѣ сидѣлки изъ больницы.
Вслѣдъ за нимъ идутъ.
Органистъ—онъ пѣвчій тоже —
Красный носъ на красной рожѣ —
Не жалѣеть силъ.
.....
А покойникъ въ гробѣ этомъ
Быль—какъ слышалъ я—поэтомъ.
.....
Въ дружбу вѣрилъ онъ сердечно,
И надули всѣ, конечно,
Друга своего.
Что писалъ онъ—загрызали
Рецензенты.....».

Послѣ этихъ произведеній, составляющихъ матеріаль, какъ для исторіи литературы, такъ и для медицины, потому что имѣютъ характеръ патологическій, появились такія, которыя слагались уже въ бреду агоній; такова та недо-

конченная повѣсть, «Двѣ Картины», на которую справедливо обратилъ вниманіе Тышинскій: странная смѣсь прекрасныхъ, полныхъ свѣжести видѣній, тѣснящихся безсвязно, какъ бываетъ во снѣ, когда прерывается распредѣленіе понятій властью разсудка; таково и непонятное письмо къ Крашевскому, диктованное за часъ передъ смертью. Кондратовичъ исполнилъ почти буквально то, что предположилъ себѣ: онъ умеръ «съ лирой въ рукахъ», съ тѣмъ только отступленіемъ отъ программы, что умеръ онъ не среди полей и лѣсовъ, но среди городского стука — почти что на мостовой.

При извѣстіи о его смерти, въ обществѣ дрогнуло чувство, явилось сознаніе большой народной потери. Похороны его приняли размѣры торжества; въ гробу надѣли ему на голову лавровый вѣнокъ, тысячи рукъ насыпали землей его могилу, землевладѣльцы сдѣлали складчину въ пользу семейства, почитатели занялись приисканіемъ средствъ, чтобы собрать въ одномъ изданіи тѣ многочисленные брошюрки и листы, въ которыхъ, на отвратительной бумагѣ, какимъ попало шрифтомъ, издавали евреи и пускали по свѣту пѣсни поэта. Невольно рождалось, до сихъ поръ еще отзывающееся иногда въ польской печати сожалѣніе, что помощь эта пришла такъ поздно, что она не явилась хотя бы въ послѣдніе дни поэта—сколько-нибудь облегчить его нравственно, снять съ него часть заботъ о хлѣбѣ насущномъ для семьи. Изъ этихъ позднихъ самоупрековъ возникалъ сложный и не такъ-то легко разрѣшимый вопросъ—между обществомъ и поэтомъ—о томъ, чья вина, что таковъ былъ конецъ его жизни, такъ непріятны матеріально и нравственно—холодны тѣ условія и та обстановка, въ которыхъ онъ скончался? По этому вопросу о «вмѣненіи», гдѣ обвиненнымъ является общество, разсмотрѣніе болѣе глубокое и разностороннее приводитъ обыкновенно къ болѣе высокой снисходительности и къ уясненію, почему нѣчто случилось именно такъ, а не иначе. Кондратовичъ въ частной жизни не былъ святымъ, онъ имѣлъ свои недостатки и грѣхи.

Осуждать его за то, что онъ не устроился практичнѣе со своими ресурсами нельзя, по той простой причинѣ, что получалъ онъ отъ издателей такую плату, которой высшимъ размѣромъ были два золотыхъ за стихъ, а число тѣхъ, кого онъ долженъ былъ кормить доходило до 19-ти. Но были и иные поводы къ обвиненіямъ. Кондратовичъ бросилъ жену, велъ въ Вильнѣ жизнь гулящую въ кружкѣ актеровъ и литераторовъ, подогрѣвалъ вдохновеніе напитками, вдался въ романъ съ замужней женщиной, пробовалъ даже оправдать эту связь въ единственной изъ своихъ поэмъ, гдѣ главную роль играетъ любовь, въ «Стеллѣ Форнаринѣ». Нѣсколько намековъ въ этомъ смыслѣ примѣшались даже къ слову проповѣдника во время отпѣванія. Едва ли однакоже возможно допустить, чтобы, даже среди общества наиболѣе щепетильнаго насчетъ нравственности, вины такого рода могли помѣшать оказанію помощи страждущему, имѣющему большія заслуги передъ обществомъ,—еслибы только этимъ серьезно занялись. Худшія вины прощались, очень многое игнорировалось порой, *tacito consensu*, изъ жизни людей, несравненно менѣе заслуженныхъ, но снискавшихъ расположеніе общества, не собирались и не выставлялись на-показъ ихъ человѣческія слабости свойства частнаго, если самъ писатель и человѣкъ общественный былъ чистъ и безупреченъ. Сведеніе надъ кѣмъ-либо слишкомъ подробныхъ счетовъ по прегрѣшеніямъ частнымъ, часто только отражаетъ въ себѣ недовольство имъ, истекающее изъ иного источника, и по меньшей мѣрѣ служить признакомъ, что привязанность къ поэту не была всеобщая, единопудная.

Въ данномъ случаѣ не могло быть иначе. Кондратовичъ самъ никогда не скрывалъ, въ какую сторону клонились всѣ его сочувствія: множество разъ онъ твердилъ, что пишетъ для самой простой толпы, ненавидѣлъ фракъ и бѣлый галстухъ, самъ говорилъ въ такомъ родѣ — «когда я пробовалъ очертить барскія хоромы, то карандашъ ломался», а когда онъ проводилъ случайные

штрихи, то выходили все—то литовская хата, то дворъ шляхтича, то деревенская церковь («Что умѣю набрасывать». VII. 220). Общепринятое господство, безспорная дань бывають чаще удѣломъ вовсе не самыхъ способныхъ, не самыхъ чистыхъ дѣятелей, а скорѣе тѣхъ, кто ловче правилъ своей ладьей, съ оглядкой, чтобы ни на кого не натолкнуться, кто не бросался съ лирой, какъ съ оружіемъ—въ борьбу противоположныхъ интересовъ. Міромъ управляетъ законъ обмѣна услугъ, и люди держатся правила — какъ ты мнѣ, такъ и я тебѣ; можно получить въ обладаніе всѣ сокровища міра, но не иначе, какъ исполнивъ условіе искусителя (Ев. св. Луки. IV. 7): «аще поклонишься, будутъ твоя вся».

Между тѣмъ Кондратовичъ, который продавалъ жидамъ еще ненаписанныя, а только задуманныя произведенія, который съ благодарностью бралъ пособія отъ тѣхъ, о комъ былъ убѣжденъ, что они давали отъ души, не унижая пріемлющаго, этотъ самый Кондратовичъ только и думалъ, какъ бы не согнуть шеи и не уронить своей пѣсни. Отсюда и произошло, что люди, стоявшіе на высшей общественной ступени по происхожденію и богатству, тѣ люди, о которыхъ онъ прямо говорилъ, что .пишетъ не для нихъ, они и не взяли на себя почина въ устройствѣ національной подписки въ пользу бѣдствовавшаго поэта, единственной формы пожертвованія, какую Кондратовичъ могъ принять безъ чувства униженія. А что подобная складчина была вполне возможна при условіяхъ 1862 года, о томъ свидѣтельствуетъ фактъ, что состоялась же она въ пользу семьи поэта, когда извѣстіе о его смерти наэлектризовало общественное настроеніе. Посыпались на могилу цвѣты, раскрылись карманы, возникъ и литературный надгробный памятникъ.

Прекраснымъ фундаментомъ для него послужило варшавское изданіе «Стихотвореній» Кондратовича, вышедшее въ 10 томахъ въ 1872 году, весьма старательно собранныхъ и размѣщенныхъ въ хронологическомъ по-

рядкѣ В. Коротынскимъ. Нѣтъ недостатка въ матеріалахъ и для составленія хорошей біографіи поэта; немало еще людей, которые могли бы изъ личныхъ воспоминаній добавить многое и къ жизнеописанію и къ характеристикѣ покойнаго (назовемъ гг. Коротынскаго, Петкевича, Тиціуса, Пашковскаго, Гораина, Валицкаго, Круповича). Покамѣстъ, имѣются въ видѣ временныхъ памятниковъ два значительныхъ очерка: Крашевскаго («Владиславъ Сырокомля», Варшава 1862) и А. Тышинскаго («Библіотека Варшавская», августъ и сентябрь 1872: «Людовикъ Кондратовичъ и его поэзія»). Въ обоихъ этихъ превосходныхъ этюдахъ, — изъ которыхъ первый есть — некрологъ, выросшій до размѣровъ книги, а другой представляетъ опытъ критической оцѣнки Кондратовича по совокупности его сочиненій — поэтъ является предъ нами живымъ въ своихъ стихотвореніяхъ, въ домашней жизни и интимной перепискѣ. Указаны тамъ подробно источники его вдохновеній, опредѣлены періоды развитія его таланта, и пройдены молчаніемъ лишь тѣ подробности, о которыхъ неудобно говорить по обстоятельствамъ времени или по отношенію къ живымъ еще лицамъ. Оба эти портрета похожи на не вставленные въ рамки этюды, на эскизы, выдающіеся посреди пустаго пространства, не обрамленные опредѣленіемъ среды, характеристикой времени, что и не входило въ задачу авторовъ. Фигура поэта можетъ только выиграть, если ее представить на современномъ ей фонѣ, попытавшись намѣтить самый характеръ той эпохи, такъ еще недавней, но уже отодвинувшейся въ прошедшемъ, уже удобной къ разграниченію съ настоящимъ временемъ. Задача при этомъ можетъ быть поставлена въ формѣ слѣдующаго вопроса: чѣмъ обязанъ былъ Кондратовичъ своимъ предшественникамъ, своему вѣку, и какъ онъ дѣйствовалъ на свое общество, какое вліяніе сохранилъ нынѣ и сохранить въ будущемъ для потомковъ? Задача эта весьма обширна, но способствовать ея рѣшенію возможно и небольшимъ взносомъ, позволительно и послѣ мастеровъ.

Взявшись за такой отвѣтъ, мы отсылаемъ читателя, въ томъ что касается подробностей біографическихъ — къ очеркамъ Крашевскаго и Тышинскаго, предполагая, что факты эти ему извѣстны и станемъ приводить изъ нихъ только тѣ, которые на нашъ взглядъ имѣли дѣйствительное значеніе въ самомъ развитіи его таланта.

II.

Въ домѣ мелкаго дворянина, бывшаго сперва землемѣромъ, а потомъ арендаторомъ небольшого фольварка въ радзивилловскихъ имѣніяхъ въ минской губерніи, Александра Кондратовича, по гербу Сырокомли (Крашевскій, 214) родился 17 сентября 1823 года, сынъ Людовикъ-Владиславъ. Средства были самыя скромныя, домашняя обстановка простая. Когда мальчику минуло 10 лѣтъ, отецъ отдалъ его въ школу къ доминиканамъ въ Несвижѣ. Систематическое ученіе Людовика какъ началось съ этой школы, такъ на ней почти и окончилось. Образованіе она давала крайне недостаточное, притомъ чисто — конфессіональное, полу-духовное, такое, о которомъ можно себѣ составить понятіе только по преданіямъ, такъ какъ школы эти въ нашихъ мѣстахъ давно уже не существуютъ. Много можно бы о немъ сказать и хорошаго и дурнаго. Во всякомъ случаѣ, оно уже было не похоже на прежнее, іезуитское, основывавшееся на средневѣковомъ Альварѣ и на розгѣ, удалилось и отъ того, какое давали въ своихъ школахъ соперники и преемники іезуитовъ — піяры (*fratres scholarum piarum*). У отцовъ доминикановъ преподаваніе было уже наполовину свѣтское, умѣренное благотворнымъ вліяніемъ виленскаго университета, которому были подчинены и духовныя школы. Нѣтъ сомнѣнія, что въ монастыряхъ учительскіе приемы несоотвѣтствовали требованіямъ нынѣшней педагогики, имѣющей главной цѣлью — изощреніе ума, развитіе въ умѣ учащагося критической способности, само-

стоятельности сужденія, вмѣстѣ съ усвоеніемъ научнаго матерьяла. Духовные отцы смотрѣли на вещи нѣсколько иначе; у нихъ, преподаваніе основывалось на авторитетѣ, исходную точку имѣло богословскую; цѣлью его было прежде всего—сдѣлать изъ учениковъ людей богобоязненныхъ, не позволяющихъ себѣ судить о догматѣ, но принимающихъ на-вѣру, сердцемъ, какъ этотъ, законченный въ себѣ догматъ, такъ и готовыхъ, простыхъ, на подобіе прямыхъ линій, правила нравственности.

Обученіе было и моральное и физическое, обнимало науку и вѣру («Школьные годы Демборога» Кондратовича, 312 и слѣд.), и преимущественно послѣднюю, дабы человѣкъ «не возлеталъ никогда на крыльяхъ Икара и, увѣренный въ своей истинѣ, не предавался суетной заботѣ, постился бы себѣ въ субботу и святить день воскресный». Нельзя не признавать, что всякое нравственное ученіе, хотя бы основанное исключительно на авторитетѣ, заслуживаетъ полнаго уваженія и, для совокупности людей, не можетъ быть замѣнено ничѣмъ, предполагая, конечно, что предписываемыя имъ правила дѣйствій не состоятъ въ открытой борьбѣ съ потребностями времени. И надо прибавить, что острый кризисъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ происходитъ рѣдко, а пока онъ не наступилъ, вѣра и знаніе умѣютъ взаимно согласоваться, вступая въ многочисленные взаимные компромиссы, легко осуществимые въ самой жизни—до тѣхъ поръ, пока вмѣстѣ нравственное правило само въ себѣ не оказывается отжившимъ, то-есть во всё то время, когда подъ него еще возможно подводить не только теологическое, но и рациональное основаніе. Выходили же изъ школъ при-монастырскихъ люди просвѣщенные, передовые; самъ Мицкевичъ учился первоначально у оо. доминикановъ въ Новогрудкѣ, и преподавателямъ тѣхъ школъ надо вмѣнить въ большое достоинство фактъ, что несмотря на суровую дисциплину съ примѣненіемъ розги, воспитанники монашескихъ школъ Игнатій Ходзько, Л.

Кондратовичъ сохраняли для нихъ чувства самыя сердечныя, почти сыновнія.

Въ «Школьныхъ годахъ Демборога» Кондратовичъ самъ далъ, положимъ, нѣсколько идеализированный отчетъ—какъ и чему онъ учился. Воспитаніе, впрочемъ, вовсе не было аскетическое. Ученики жили въ достаточномъ городкѣ, на вольныхъ квартирахъ, а въ монастырь приходили только на уроки. Городокъ былъ въ высокой степени проникнутъ духомъ католичества, много въ немъ было костѣловъ и монастырей, воздвигнутыхъ на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ еще не такъ давно передъ тѣмъ дѣйствовали кальвинистскія кирки и аріанскія типографіи. Надъ всѣми костелами господствовала, однако, огромная развалина съ тремя башнями, окруженная прудами въ окопахъ и валомъ; это былъ замокъ Радзивилловъ, носившій слѣды погрома 1792 года, а затѣмъ, еще болѣе опустошенный въ 1812 году. Правда, развалина эта, запечатлѣнная едва не королевскимъ величіемъ, вмѣщавшая въ склепахъ кости своихъ владѣльцевъ, а на галлереяхъ—ихъ портреты, стояла пустою, какъ разрытая могила, не посѣщаемая никѣмъ, кромѣ привидѣній. Но зато монастырь со школою представлялся какъ бы остаткомъ прежней Польши, остаткомъ перенесеннымъ заживо въ XIX вѣкъ, и несмотря на такое перенесеніе, приросшимъ еще вполне къ цѣлому прошлому, не только къ тому, какое сохранилось въ церкви, но и къ прошедшему во всемъ его составѣ, со всѣми традиціями самоуправленія, строгой домашней дисциплины и тѣхъ добродѣтелей, какія создаетъ гласная, дѣятельная, общественная жизнь. Мелкія дворянскія усадьбы находились въ самыхъ тѣсныхъ и дружественныхъ связяхъ съ монастыремъ, въ непрерывномъ съ нимъ общеніи на церковныхъ праздникахъ, училищныхъ открытыхъ экзаменахъ, ученическихъ прогулкахъ за-городъ, съ префектомъ во-главѣ, на торжествахъ въ дни св. Петра и Тѣла Господня, когда подъ открытымъ небомъ, передъ алтарями, стоявшими въ цвѣтахъ, среди безчис-

леннаго множества горѣвшихъ свѣчь и сотенъ хоругвей, въ дыму кадилъ, гремяло изъ тысячъ грудей—«отъ мора, войны, огня и наводненія спаси насъ Господи!»

Ничто не сравнится, по силѣ и неизгладимости, съ тѣми первоначальными впечатлѣніями юности; ихъ свѣтлые образы, согрѣтые всей полнотою чувства, западаютъ въ самую глубь души, собираются тамъ, какъ въ сокровищницѣ и хранятся на всю дальнѣйшую жизнь, становятся главнымъ запасомъ, чуть-ли не единственнымъ матеріаломъ, откуда въ воображеніи художника исходитъ та нить, изъ которой будетъ ткаться основа его представленій. Наростаніе такого запаса основныхъ впечатлѣній продолжается только до извѣстнаго возраста; въ послѣдствіи впечатлительность притупляется и человѣкъ перестаетъ дополняться и обновляться, онъ уже только сопоставляетъ и сортируетъ то, что въ молодые годы прошло сквозь его сознаніе и улеглось въ памяти. Многому можно научиться въ позднѣйшемъ возрастѣ, можно не разъ даже измѣнить свои убѣжденія, утратить свою вѣру, разобрать ее какъ стѣну—камень за камнемъ, сдѣлаться совершеннымъ скептикомъ—и однакоже не быть увѣреннымъ въ себѣ, не быть обезпеченнымъ отъ насильственнаго возврата тѣхъ впечатлѣній, которыя казались уже пережитыми и забытыми. Въ силу закона объ ассоціаціи представленій, иногда пустое какое-нибудь и равнодушное съ виду обстоятельство, можетъ прикоснуться къ вещамъ минувшимъ, вызвать и обновить тотъ или другой образъ, а вмѣстѣ съ нимъ выступаетъ, какъ стертый текстъ на палимпсестѣ, и чувство, которое тотъ образъ когда-то проникало и оживляло. Бываетъ и такъ, что чувство это оказывается затѣмъ сильнѣе разума и тогда оправдывается, въ тысячу — первый разъ, басня Красицкаго о томъ мудрецѣ, что мѣрилъ сводъ небесъ, а подъ конецъ не только въ Бога увѣровалъ, но и въ привидѣнія.

Возвратимся отъ этихъ общихъ замѣчаній—къ Кондратовичу. Въ немъ сѣмя религіозное пало на доброе

поле, что запечатлѣлось въ его душѣ въ то время, такъ и осталось нестертымъ и даже ничѣмъ не заслоненнымъ. У него была и осталась вѣра, простая, прямо по катехизису, но это была вѣра художника, онъ въ ней былъ какъ въ своей стихіи, впрядаль ее въ свои пѣсни и безъ нея не умѣлъ бы ничего произвести. Пришелъ и для него опытъ, наслушался и онъ всяческихъ сомнѣній и отрицаній, но у него они въ одно ухо влетали, а въ другое вылетали вонъ; къ аналитическому розыскиванію истины онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго призванія, а поэтизировать самыя сомнѣнія онъ не пытался, находя ихъ негармоничными и некрасивыми; почему онъ просто—инстинктивно сторонился отъ нихъ.

Послѣ первоначальнаго курса, пройденнаго въ Несвижѣ, а затѣмъ еще въ 5-мъ классѣ Новогрудскаго уѣзднаго училища, и не смотря на то, что затѣмъ онъ тотчасъ закопался въ Мархачевъ, а потомъ въ Залучьи, Кондратовичъ однако вовсе не былъ лишень—какъ бы то казалось вѣроятнымъ—возможности познакомиться съ умственнымъ движеніемъ вѣка, съ религіозными и философскими теоріями, какія въ то время находились въ оборотѣ. Почти періодически, ежегодно, лѣтомъ появлялись въ его уединеніи перелетныя птицы — студенты университетовъ петербургскаго, московскаго, дерптскаго, и кievскаго. Содрогались стѣны отъ страстныхъ диспутовъ, въ которыхъ боролись самыя крайніе отгѣнки мысли, представлявшіеся въ самыхъ необузданныхъ борцахъ, начиная съ мистиковъ и обскурантовъ до бѣшеныхъ матеріалистовъ. Кондратовичъ слушалъ ихъ всѣхъ со вниманіемъ, но будучи, по своему темпераменту болѣе чѣмъ кто-либо склоннымъ къ терпимости, не могъ примириться только со страстной исключительностью и фанатизмомъ диспутантовъ. Въ 1851 году, тотчасъ послѣ общеевропейской бури, которой отголоски залетали и на Литву, Кондратовичъ писалъ Крашевскому (стр. 45): «у меня голова болитъ отъ прогрессистскихъ криковъ, мысль расходится въ стороны, не могу еще сосредоточиться».

Въ первый разъ посѣтивъ въ этомъ году Вильно, онъ описывалъ пребываніе тамъ мрачными красками (стр. 42, 43): «не зналъ я, какая жалкая рознь въ понятіяхъ господствуетъ среди насъ. *Obstupui*. Одни, съ крестомъ въ рукахъ, отгоняютъ въ адъ всякій рационализмъ, всѣ научные розыски называютъ дѣломъ сатанинской гордости. Другіе, произнося слова прогресса и братства, плюютъ на вѣру, на преданія, на все что дорого и свято... Христово имя у всѣхъ на устахъ, но христовой любви къ людямъ, ей-богу, я не примѣтилъ. Люди сами по себѣ прекрасные взаимно чернятъ и облыгаютъ себя. Благодаря моей молчаливой фигурѣ, я могъ выслушивать все и съ іезуитской улыбкой какъ будто поддакивалъ всему, но возвращаясь вечеромъ домой, я иногда плакалъ. Я имѣлъ намѣреніе поселиться въ Вильнѣ; но теперь вижу, что если бы умственно я при этомъ и выигралъ, то сердце высохло бы какъ прахъ. Я не гожусь въ діалектики»... Однако необходимость заставила его переѣхать въ Вильно, поселиться среди тѣхъ спорщиковъ и крикуновъ, между враждовавшими партіями, въ атмосферѣ насыщенной сплетнями (стр. 62, 67). Здѣсь, находясь на самой аренѣ борьбы между враждующими понятіями, а вдобавокъ сломленный и разстроенный болѣзью, Кондратовичъ не въ силахъ былъ отогнать сомнѣній, вкрадывавшихся въ его душу. Въ 1859 г. онъ писалъ Хенцинскому (Крашевскій 172): «я пришелъ къ полному равновѣсію между сердцемъ и разумомъ, а это значитъ, что у меня не осталось ни того, ни другого». Но тутъ же онъ признается, что не можетъ освоиться съ состояніемъ «разсудочнаго безвѣрія», которое для него было равнозначуще съ оцѣпененіемъ и утратой всякаго стимула къ творчеству. Передъ лицомъ смерти вѣра возвращается и поэтъ, снова одушевленный ею, пишетъ въ 1861 г., въ Борековщизнѣ, одно изъ тѣхъ произведеній, которыя относятся къ періоду его болѣзни и агоніи — «*Supio dissolvi*»; въ этомъ стихотвореніи раскрывается душа поэта и Сыро-

комля является предъ нами такимъ, какимъ онъ собственно былъ во всю свою жизнь: идеалистомъ, деистомъ, стоящимъ внѣ опредѣленнаго вѣроисповѣданія, но въ высшей степени религіознымъ, въ общемъ духѣ христіанства, человѣкомъ. Эта вещьца припоминаетъ предсмертные стихи Эдмунда Василевскаго: «чтожь мнѣ, не все-ль равно, сегодня или завтра», но еще бѣльшее и даже поразительное сходство имѣетъ съ послѣднимъ стихотвореніемъ Рылѣева, написаннымъ въ заключеніи, въ 1825 году, но остававшимся совершенно неизвѣстнымъ до 1872 года, когда оно впервые явилось въ печати («Девятнадцатый вѣкъ», изд. Бартенева, Москва, I. 327). Сходство тутъ — въ одинаковой по содержанію вѣрѣ и отчасти аналогичномъ положеніи, а стало быть и общемъ обоимъ поэтамъ настроеніи. Но въ данномъ произведеніи русскій поэтъ значительно превосходитъ литовскаго, судьба перваго трагичнѣе, вопль его души электрически потрясаетъ читателя, какъ послѣдняя исповѣдь и молитва. Приводимъ эти стихи:

Мнѣ тошно здѣсь какъ на чужбинѣ.
 Когда-жъ покину плоть мою?
 Ктожь дастъ крылѣ мнѣ голубинѣ
 Да полечу и почию?
 Мнръ цѣлый смраденъ какъ могила,
 Душа изъ тѣла рвется вонъ
 Ты мнѣ, Творецъ, прибѣжище и сила —
 Вонми мой вопль, услышь мой стонъ,
 Приникни на мое моленье
 Внемли смиренію души
 Пошли друзьямъ моимъ спасенье,
 А мнѣ грѣховъ дай отпущенье,
 И духъ отъ плоти разрѣши!

Кондратовичъ же, въ своихъ стихахъ, не молится, но скорѣе философствуетъ: «на что мнѣ, о Боже, эта тѣлесная одежда, сковывающая духъ? Зачѣмъ, будучи духомъ, я осужденъ ходить въ образѣ животнаго? Развѣ слово способно выразить хотя бы тѣнь мысли? Каждое изъ чувствъ моихъ убого и лживо въ самой основѣ. Въ

каждомъ изъ нихъ лежитъ одинъ обманъ, одна помѣха душѣ для совершеннаго познанія вещей. Земныя условія плоти и костей только лишаютъ меня вѣнца независимости. Голодь и жажда, холодъ и жаръ даютъ только мѣрку нищеты человѣческой. Жадность пригнетаетъ душу къ землѣ, тщеславіе воздымаетъ грудь суетой, ненависть даетъ ножъ въ руки, любовь дѣлаетъ звѣринымъ то, что было божескимъ», и т. д. Изъ такого сознанія, у Кондратовича, какъ и у Рылѣва, истекаетъ горячее желаніе, чтобы раздѣлились двѣ, какъ они думаютъ, составныя части человѣка, чтобы разорвалась завѣса, преграждающая полетъ въ таинственный міръ— за предѣломъ міра, туда, гдѣ сіяетъ неизрѣченный и земному взгляду недоступный Богъ теологическій, освобожденный однако—у Кондратовича, какъ и Рылѣва—отъ всякихъ вѣроисповѣдныхъ особенностей, такъ какъ оба поэта восприняли посвященіе въ тѣ идеи вѣротерпимости, которыя составляютъ лучшее наслѣдіе XVIII столѣтія.

Приведенные выше образчики достаточно объясняютъ, какую огромную роль въ поэзіи Кондратовича играетъ элементъ религіозный; но слѣдуетъ нѣсколько подробнѣе опредѣлить сущность и свойства этой религіозности.

И такъ, прежде всего бросается въ глаза полное отсутствіе въ ней всякаго мистицизма. Умъ Кондратовича отличался замѣчательной трезвостью; это была — голова разсудочная, а сердце, чувствовавшее сильно, но—только вещи ясно понятыя. Натура его была такъ мало расположена къ восторженнымъ видѣніямъ, до такой степени не склонна къ обращенію въ мірѣ сверхъестественномъ, къ розысканію въ фактахъ жизни—таинственныхъ символовъ и къ вниманію въ заключенное въ такихъ символахъ откровеніе, что на немъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда того польскаго мессіанизма, который представлялъ направленіе положительно господствующее, именно въ то время, когда Кондратовичъ наиболѣе учился и развивался. Мессіанизмъ, который опуталъ

крылья гораздо болѣе могущественныхъ талантовъ, не оказалъ никакого вліянія на Кондратовича, не ставившаго себѣ никогда иныхъ задачъ, кромѣ чисто-художественныхъ. Онъ, какъ художникъ, и бралъ чудесность, но бралъ ее готовою, именно такую, какую находилъ въ св. писаніи, или прочелъ въ старой хроникѣ, или услышалъ въ разсказѣ.

Въ этомъ родѣ—первое его, почти ребяческое произведеніе, съ котораго и начинается собраніе его стихотвореній—«Св. Садохъ» (I ч. 1845 г.); таковы далѣе «Видѣніе пустытника» (1858, IV, 53), довольно большой разсказъ «Мартинъ Студзенскій» (IV, 81, 139., 1859 г.) и множество другихъ. Кондратовичъ не всегда помнилъ, что самъ сказалъ въ «Студзенскомъ» (138), а именно, что «отчизна чудесъ, вѣра встрѣчавшая насъ на паперти, нынѣ отлетѣла изъ христіанскихъ сердець». Иногда онъ нарушалъ то обязательство, которое какъ бы заключалось въ этихъ словахъ. Напримѣръ: «Возможно-ль чудо или нѣтъ, я въ это не вхожу, но свой разсказъ веду о временахъ, когда всякъ вѣрилъ въ чудо». Если-же Кондратовичъ пытался сочинить чудесность и придумать вещи сверхестественныя, то всѣ подобныя опыты оканчивались полнымъ неуспѣхомъ, то есть выходили вещи просто плохія. Къ числу такихъ слабыхъ произведеній принадлежит и ненапечатанное стихотвореніе, написанное на смерть Мицкевича: «Надъ Босфоромъ, тамъ, далеко, печально стоятъ люди чужіе. Вотъ крышка гроба опустилась надъ героемъ славянской пѣсни и т. д.»—въ которомъ авторъ дѣлаетъ видимыя и принужденныя усилія, чтобы подняться выше, стать какъ бы на высотѣ предмета. Въ этомъ стихотвореніи душа Мицкевича восходитъ на Олимпъ христіанскій, представляется Христу и Богоматери, а затѣмъ лучи тойже души рассылаются по вышнему велѣнію во всѣ тѣ мѣста, которыя великій поэтъ любилъ при жизни и которыя обезсмертилъ. Отъ всего этого вѣтъ холодомъ и дѣланностью, средства не соотвѣтствуютъ цѣли. Средства, дѣйствительно, были малы и не позволяли поэту создавать

своеобразныхъ воплощеній того или другого религіознаго понятія, были достаточны единственно для передачи тѣхъ впечатлѣній и чувствъ, какія, въ души простой и вѣрующей, вызываетъ самый обрядъ церковный, притомъ— обрядъ, совершаемый при самой скромной и бѣдной обстановкѣ, въ неказистой деревянной сельской церкви, гдѣ простой людъ, стоя на колѣняхъ, съ покаяніемъ вкушаетъ единый доступный ему хлѣбъ умственной жизни. Правда, и у Мицкевича есть подобное мѣсто, въ IV части «Дѣдовъ»: «ты помнишь-ли, когда тебѣ было лѣтъ десятокъ, и въ первый разъ ты въ увлеченіи духа, склонился набожно на колѣни передъ рѣшеткой алтаря. И вдругъ надъ образомъ раздвинулась занавѣска, блеснула чаша, зазвенѣлъ звонокъ. Со мной въ такую минуту душа какъ будто разставалась»—Но то чтó у Мицкевича явилось разъ только, да и то въ неизданномъ при жизни поэта варьянтѣ, то чтó онъ отложилъ, какъ ненарушимо святое, но уже пережитое воспоминаніе изъ дѣтства,— у Кондратовича было любимой темою, которую онъ разрисовывалъ сто разъ, на разные лады, не потворяясь притомъ въ самомъ описаніи. Ксендзъ читаетъ по миссалу, органистъ фальшивить на клавиатурѣ, школьники на хорахъ перевираютъ латынь, вокругъ—закопченныя стѣны, и нагорѣвшія свѣтильни на желтыхъ свѣчахъ, вмѣсто хоругвей какія-то лохмотья, угодники въ черныхъ рамахъ по стѣнамъ, и съ креста склоняется окровавленный Спаситель, нисходящій въ посвященномъ хлѣбѣ къ алчущимъ устамъ вѣрныхъ («Великій четвертокъ», II. 278. «Школьные годы Демборога» III. 336).

И самъ Кондратовичъ въ поэзіи своей принимаетъ какъ бы личное участіе въ обрядѣ, замѣняетъ органиста, не считаетъ ниже себя «играть въ церкви, Богу во славу, и людямъ на пользу», на томъ же хрипломъ инструментѣ. Онъ переводитъ литургическіе гимны (VI. 293), сочиняетъ даже набожныя легенды къ святцамъ (VII. 65), размышленія на опредѣленные дни года (VII. 68), посвященные праздникамъ; мало того—молитвы къ святымъ

для образковъ, продаваемыхъ на мѣстныхъ праздникахъ (ragdons), снабженныхъ особыми разрѣшеніями (7, 13, 21, 117, 122, 161). А между тѣмъ и въ такихъ крошкахъ, сброшенныхъ со стола поэзіи — почти уже за предѣлы литературы изящной, есть одна черта, не позволяющая имъ утонуть въ массѣ предназначенныхъ для той же цѣли церковныхъ виршей, возвышающая ихъ высоко надъ уровнемъ простаго ремесла. Черта эта — вдохновеніе, правда — не религіозное, но чисто артистическое, огонь, который Кондратовичъ самъ приносилъ съ собой въ церковь, а не бралъ съ церковныхъ свѣчекъ (Къ Зенькевичу. VII. 192).

Да, это былъ поэтъ религіозный, но вовсе не правовѣрный; для него было важно, какъ вѣруютъ массы, но онъ самъ не принималъ всего буквально, былъ даже равнодушенъ къ тому, во что именно онѣ вѣруютъ, что бываетъ всегда сомнительнымъ и неудобопонятнымъ, а во всякомъ случаѣ не можетъ быть строго доказано и защищено. Несмотря на дѣтскую почти набожность своего сердца, поэтъ нашъ пользовался однакоже всѣми привилегіями человѣка свободномыслящаго. А въ минуты легкомысленной веселости, онъ даже позволялъ себѣ, особенно въ пріятельской бесѣдѣ, остроумныя шутки надъ разными предметами изъ среды церковной, надъ кардиналами «что съѣхались въ Парижѣ на постой чтобы избранника (Наполеона III) мазать помадою святой (стихи къ Румбовичу VI. 275)»; или надъ прелатомъ, который «учено морщить лобъ, чтобъ доказать непогрѣшимость папы (VII. 182)». Точно такъ, поэтъ крайне фамиллярно обходится съ св. Софіею (VII. 280), Іоанномъ-Крестителемъ (VII. 286), или съ св. Евстахіемъ, по поводу именина ученаго гр. Тышкевича (VI. 306): «сегодня вѣдь дежурнымъ состоитъ при Богѣ — святой Евстахій. Охотно онъ съ докладомъ благосклоннымъ войдетъ о дорогомъ кліентѣ, его поддержитъ самъ своимъ авторитетомъ — святой Евстахій. И на пути твоёмъ прекрасномъ

разсѣтъ онъ щиты и шлемы, и чаны полные медовъ вѣ-
ковыхъ—святой Евстахій».

Такая вольность въ обращеніи съ вещами свойства
духовнаго, положимъ, не оскорбляетъ религіи, такъ какъ
не выходитъ за предѣлы того, надъ чѣмъ, по убѣжде-
нію поэта, позволительно подсмѣяться (къ Круповичу,
VII. 60) и не ведетъ къ колебанію вѣры въ Бога. Но она
всетаки дѣлаетъ религіозныя произведенія Сырокомли
насквозь-свѣтскими. Въ нихъ нѣтъ ничего приторнаго,
подслащеннаго, ничего что бы припоминало сакристію и
ризы, онъ не пытается разжалобить орудіями страстей и
украшать терновый вѣнецъ фольгою и разноцвѣтными
бумажками. Повсюду у него чувствуется возвышенный
идеализмъ, возносящійся горѣ въ безконечныхъ обраще-
ніяхъ къ Богу, идеализмъ безъ котораго однако необхо-
дится ни одна изъ сколько-нибудь значительныхъ его
поэмъ, начиная отъ эпическихъ и кончая хотя бы пре-
лестною кантатой «Францискъ Ассизскій» (1857. Вильно
V. 81—86). Кромѣ вещей религіозныхъ по самому содер-
жанію, у Кондратовича есть еще одинъ родъ произведеній,
который даетъ намъ послѣднюю черту для характеристики
религіознаго элемента въ его поэзіи вообще. Онѣ носятъ
названіе «бесѣдъ» и представляютъ собой—драматизиро-
ванные народныя поученія, заключающія въ себѣ прак-
тическую мораль. Въ нихъ иногда самое содержаніе и
не относится къ Богу и представленіямъ церковнымъ,
но тѣмъ неменѣе онѣ запечатлѣны свойственнымъ на-
роду, истекающимъ изъ религіи, глубокимъ вѣрованіемъ
въ непосредственное дѣйствіе божескаго правосудія—еще
въ семь мірѣ, а также въ такія вещи, какъносящія на
себѣ проклятіе клады, чортовы сокровища, и наконецъ,—
въ то, что чѣмъ кто согрѣшилъ, тѣмъ и наказанъ будетъ.

Что Кондратовичъ не принималъ и такихъ преданій
въ смыслѣ буквального, а понималъ ихъ глубже, чѣмъ
простой народъ, это доказывается хорошенькой сказкой
«Краденое (1849. Залучье, I. 53)», въ которой отецъ,
желая проучить сына, предлагавшаго ему кражу, пред-

ставляется будто укралъ вола, и съѣдая его съ сыномъ постепенно толстѣеть, между тѣмъ, какъ сынъ, одержимый страхомъ соучастника въ преступленіи, исхудалъ какъ щепка: «тотъ волъ былъ купленъ мной, и вотъ мнѣ шло во здравье, а ты, считая себя воромъ, исхудалъ какъ собака». И такъ, одно и тоже мясо одному идетъ на здоровье, а другому становится поперекъ горла, въ зависимости отъ представленія о самомъ способѣ пріобрѣтенія; словомъ совѣсть является тутъ судьей, исполнителемъ кары и самымъ воздаяніемъ за вину. Въ другомъ превосходномъ стихотвореніи того же рода, пасѣчникъ Ходыка, гонимый такими же Евменидами, самъ отдаетъ себя подъ мечъ палача въ случкомъ замкѣ (1847. I. 31 — 52); въ третьемъ панъ Корсакъ проходитъ чрезъ тягчайшее, по его дворянскимъ понятіямъ, покаяніе, отбывая службу работника у своего же крестьянина, зато, что убилъ его сына (1852 г. I. 300 — 331). Народъ связываетъ эти понятія болѣе вещественнымъ образомъ: палецъ Божій поражаетъ нераскаяннаго преступника чрезъ внѣшнія, будто-бы случайныя приключенія. Такъ, у Польнаго Гетмана, который допустилъ насиліе солдатъ надъ крестьянами, татары сжигаютъ замокъ и уводятъ въ неволю жену съ дѣтьми (1851. I. 193); подъ клятвой знаменитаго проповѣдника Скарги, старыя ворота упадаютъ на карету, въ которой ѣдетъ измѣнникъ, сынъ почтеннаго Шелиги, и падая, «они исполнили долгъ свой» (1856. III. 1—71).

Конечно, уже самое введеніе въ дѣло своего рода механики (*deus ex machina*), для разрѣшенія нравственныхъ задачъ, свидѣтельствуетъ о нѣкоторой дѣтскости мысли, слишкомъ неглубокой, какъ и о нѣкоторомъ недостаткѣ вкуса въ самомъ выборѣ сюжетовъ. Но это еще не все. Разъ взявъ себѣ задачею какое-нибудь народно-нравственное сказаніе, Кондратовичъ исчерпываетъ его до самой мути, находящейся на днѣ, до предразсудка, до преувеличеннаго вѣрованія въ такія напр. вещи, что преступленіе пятнаетъ и заражаетъ собой предметы не-

одушевленные, такъ что и тотъ, кто ихъ коснется невиннымъ образомъ, самъ заражается падшимъ на нихъ проклятіемъ. Такъ, когда нѣкій графъ отнялъ землю у чиншевииковъ шляхетскаго имѣнія (застѣнка), то застѣнокъ Подкова обратился въ заколдованное урочище: «Бѣда скоту, что тамъ травы сорветъ, и горе человѣку, если тамъ зачерпнетъ воды. Тотъ, кто ошибкой забредетъ въ глушь эту, заплатитъ жизнью или здоровьемъ свою неосторожность (1850. I. 143—167)». Авторъ объясняетъ въ предисловіи, что содержаніе «Застѣнка Подковы» онъ заимствовалъ изъ слышаннаго имъ мѣстнаго преданія (I. 143). Но самое это понятіе о вещи, носящей на себѣ проклятіе, должно быть, сильно срослось съ его воображеніемъ, такъ какъ поэтъ возвратился къ нему, передѣлалъ его и воспроизвелъ въ другой поэмѣ, «Кусокъ хлѣба» (1854. Вильно. II. 115—152), принадлежащей къ числу наиболѣе задушевно написанныхъ и признаваемой Крашевскимъ за образецъ мастерства (94). «Когда въ Литвѣ заѣдешь ты въ первую деревню, людъ Божій покажетъ тебѣ такой хлѣбъ, что спорится, и такой, что не спорится. Въ одномъ изъ нихъ навѣрное есть плевелы или людская обида, или слезы сиротскія. Такого хлѣба, когда его признаешь самъ въ городѣ, не покупай и не давай сосѣдамъ, не ѣшь его ни въ праздникъ, ни въ будній день: то—хлѣбъ съ проклятьемъ, адомъ вѣтъ отъ него, въ томъ хлѣбѣ гнѣзятся духи нечистые..... Горсть этого зерна брось на плоть и плоть навѣрное пойдетъ подъ воду.....» Въ другомъ мѣстѣ мы отдадимъ справедливость тѣмъ красивымъ узорамъ, какіе поэтъ вышивалъ на такой канвѣ, но не можемъ не признать, что самая канва грубовата. Онъ бралъ ее непосредственно отъ народа, а у народа она составляетъ практическую сторону религіознаго вѣрованія.

Весьма вѣроятно, что еслибы Кондратовичъ ограничился воспѣваніемъ церковныхъ обрядовъ, то имя его не сдѣлалось бы столь извѣстно и вліяніе его не имѣло бы значенія. Наше время никто не назоветъ религіознымъ,

религія принадлежитъ уже къ тѣмъ элементамъ, которые заняты самообороною, мѣсто ея занимаемое въ жизни, какъ единичныхъ людей, такъ и общества, скорѣе уменьшается, нежели идетъ въ ширину, а участіе ея въ прогрессирующемъ воспитаніи общества все болѣе слабѣетъ. Но во время Сырокомли, среди цѣлей, какія себѣ ставила польская литература, быть можетъ главною было—стремленіе къ созданію великаго народнаго эпоса. Въ эту-то сторону обращались преимущественно и усилія Кондратовича. Онъ мечталъ о лаврѣ историческаго поэта Литвы и Польши, и въ произведеніяхъ своихъ, относящихся къ этому роду, онъ полагалъ главныя свои заслуги. Лишь позднѣйшее время показало ошибку, какъ самого поэта, такъ и его современниковъ. Ни апотеоза прошедшаго не могла принести тѣхъ плодовъ, какіе отъ нея ожидалось, ни историческія произведенія Кондратовича не могли считаться лучшими, наиболѣе удавшимися. Его почти исключительное пристрастіе къ нимъ втеченіи извѣстнаго періода было скорѣе ошибкою въ призваніи. Дабы оцѣнить причины такихъ неуспѣховъ, мы должны возвратиться къ прерванному разсказу о его молодости и ходѣ его умственнаго развитія.

III.

Въ обществѣ культурномъ и жившемъ жизнью историческою, всегда накапливается немалое количество матеріала эпическаго, но лежитъ онъ въ скрытомъ состояніи. Онъ выдѣляется, какъ и пары въ атмосферѣ сгущаются и обращаются въ дождь или снѣгъ—при особыхъ условіяхъ. Подобное выдѣленіе оказывается обильнымъ преимущественно вслѣдъ за великими катастрофами, послѣ большихъ перемѣнъ, а особенно—политическихъ разгромовъ, когда внезапно становятся лицомъ къ лицу двѣ взаимно-враждебныя цивилизаціи, какъ будто два воз-

душныхъ теченія разной температуры, и когда вдругъ происходитъ смѣна всего, что окружало человѣка...

Послѣ такой метаморфозы, всѣ упавшія и погребенныя особенности прежняго быта еще сохраняются въ памяти и обращаются въ пищу жадно ухватывающей ихъ поэзіи, которая и занимается преимущественно раздумьемъ надъ мельчайшими чертами прежняго историческаго строя и быта. Она съ любовью останавливается надъ воспоминаніемъ о томъ, какъ люди сеймиковали и упивались, какіе вели процессы и затѣвали драки, о томъ даже — какъ они одѣвались нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ или еще давнѣе. Современники юности Сырокомли находились именно въ подобномъ плачевномъ положеніи, по распаденіи польской республики, какъ рыбы выброшенныя на берегъ, но съ той разницею, что внесенныя въ несвойственную себѣ стихію животныя умираютъ, а люди живутъ и плодятся — и въ чуждой имъ общественной средѣ, пока не приспособятся, въ третьемъ или четвертомъ поколѣніи, къ новымъ внѣшнимъ условіямъ жизни. Между моментомъ паденія прежняго порядка и той порой, когда общество успѣваетъ освоиться съ новыми, окружающими его условіями, тянется періодъ переходный, болѣе или менѣе продолжительный. Продолжительность же его зависитъ въ весьма значительной степени отъ того, какимъ образомъ къ тому же обществу относится самая та среда, съ которою его связали событія, именно, требуетъ ли она отъ людей, чтобы прежде всего, они забыли свое прошлое и затѣмъ старались приспособиться къ новому порядку вещей, или же, наоборотъ, старается облегчить имъ сперва такое приспособленіе, причемъ не исключается надежда, что они, вслѣдствіе того, сами забудутъ о временахъ минувшихъ.

У Сырокомли есть одно прекрасное мѣсто («Сеймъ Люблинскій». III. 301. 1857 г.), въ которомъ рельефно указано на трудности, представляющіяся при сліяніи: «Племя, народъ-ли, всякъ языкъ особые нравы ведетъ отъ отцовъ, иные законы сборной жизни имѣеть, по сво-

ему бьется въ немъ сердце. Многого-многого нужно при слияніи двухъ отдѣльныхъ племенъ, чтобы сравнялся обычай, чтобы сердца стали бить однимъ тактомъ! Лишь потомъ, когда, встрѣтясь съ собой, воды текуція изъ двухъ руслъ ударятся вмѣстѣ о камни, и сольются въ борьбѣ и побѣдѣ, лишь тогда двѣ рѣки соберутся въ союзномъ теченіи. Только прожитая вмѣстѣ доля и недоля соединяють два разныхъ племени».

Переходный періодъ имѣетъ свои особенныя черты. Тѣ люди, которые его на себѣ не испытали, живутъ болѣе въ настоящемъ и въ ближайшемъ будущемъ, мысль ихъ занята цѣлями практическими и безъ особаго умственнаго напряженія эти люди не могутъ даже сознать, какъ прочно въ нихъ самихъ еще сидитъ человѣкъ прежній, мало, да и то скорѣе по внѣшности, отличный отъ современнаго. Наоборотъ, для человѣка, находящагося въ періодѣ переходномъ, все окружающее представляется чужимъ, а потому онъ и не забываетъ ни на минуту своего сходства съ прежнимъ первообразомъ, видя всю разницу съ нимъ лишь въ отсутствіи благопріятной среды, въ неимѣніи соотвѣтственнаго поля для дѣйствія и для примѣненія своихъ способностей. Конечно, со временемъ, приобрѣтаются новыя навыки и свойства, заступающіе мѣсто прежнихъ. Но прежде, чѣмъ такая перемѣна совершится, новыя привычки еще незамѣтны, и самый переходъ отъ стараго къ новому представляется сознанію какъ постепенный отплывъ силы, какъ вырожденіе и измельчаніе—откуда истекаетъ чувство скорбное, а съ нимъ вмѣстѣ—и особливая привязанность къ воспоминаніямъ и остаткамъ старины.

Пѣсня, какъ вѣюнокъ, оплетаетъ руины, воображеніе приростаётъ къ старымъ развалинамъ и пепелищамъ, отыскивая въ нихъ укрытыхъ сокровищъ. Это общее настроеніе, которое у насъ, въ польской литературѣ, произвело «Пана Тадеуша», рапсоды и бесѣды Поля, рассказы и повѣсти Г. Ржевускаго, романы Качковскаго и безконечное число литературныхъ вещей меньшаго

значенія, само, у источника своего, сливалось съ господствовавшимъ въ западно европейскихъ литературахъ теченіемъ, съ романтизмомъ, съ возвратомъ къ среднимъ вѣкамъ, съ вальтер-скотизмомъ. Выразилось же оно во множествѣ различныхъ оттѣнковъ, начиная отъ титанической борьбы съ судьбой, за какую брались духи великіе и пламенные, сродные Байрону, и отъ мистическаго порыва крыльевъ къ Богу—въ надеждѣ чуда,— и кончая такими поэтическими опытами, которые имѣли цѣли исключительно-художественныя, не заботясь о дальнѣйшихъ, практическихъ результатахъ.

Внѣшнія обстоятельства продляли непомѣрно дѣйствіе этого мечтательства, обращеннаго назадъ, продляли тѣмъ, что воздвигали неодолимыя преграды наступленію времени лучшаго. Жизнь общественная была слаба, возможности коллективной работы не было почти вовсе— даже хотя бы на полѣ промышленности; хозяйство-же было главнымъ образомъ сельское и велось оно, притомъ, посредствомъ барщины. Дворянинъ — помѣщикъ, при такихъ условіяхъ, и при возраставшей конкуренціи, измѣнялся и превращался въ вооруженнаго бичемъ плантатора. При отсутствіи дѣятельности сборной, оставалась только единичная; прежнюю общественную службу, къ какой вѣками привыкло цѣлое сословіе, можно было продолжать лишь въ одиночку, да и то — развѣ на полѣ литературномъ, Кондратовичъ уже вступилъ на это поле и вотъ какъ онъ выражаетъ эту мысль въ заключеніи «Застѣнка Подковы» (1850 г.), откуда мелкая шляхта, привыкшая прежде къ бою и сеймикованію, пошла по-міру, утративъ землю. Проѣзжіи говорятъ шляхтичу, обратившемуся въ нищаго: «не кручинься, старичокъ; вы еще потребуетесь на свѣтѣ, правда, уже не на сеймикъ, съ саблей у бока, но—съ головой на плечахъ, съ перомъ въ рукѣ. Свѣтъ это— поле широкое, и хлѣба на немъ на всѣхъ хватить; только учиться надо и надо—работать».

Такъ, и самъ Кондратовичъ вступилъ на поле ли-

тературное. Среди стѣсненныхъ условій, литература представляла собой линію наименьшаго сопротивленія, и онъ пошелъ по этой линіи. Его несла впередъ волна общественнаго настроенія, главной чертой котораго была именно влюбленность въ идеализируемое прошедшее. Согласно съ духомъ своей эпохи, Кондратовичъ представлялъ себѣ людей этого прошлаго въ видѣ великановъ ростомъ въ нѣсколько саженой, которые, если бы ожили, то смотрѣли бы на насъ съ сожалѣніемъ и презрѣніемъ (VI. 138), а сами представлялись бы величаво, какъ рыцарская могила среди деревушки бѣдняковъ (III. 136). Посредствомъ разныхъ приѣмовъ пытался онъ объяснить это восторженное отношеніе къ давнимъ временамъ, но всѣ основанія, какія онъ приводилъ были слабыя, ребяческія.

«Что ни шагъ—въ Литвѣ событій можно слѣдъ найти:
Холмъ-ли, гряда-ли развалинъ, крестъ-ли на пути,
Столбъ, часовня или даже постоянный дворъ,—
Все здѣсь памятникъ старинный и съ давнишнихъ поръ
Любопытнаго такъ много о Литвѣ даетъ...»

Поэтъ ставитъ наивный вопросъ—отчего это у насъ не было запорожскихъ бандуристовъ, шотландскихъ бардовъ или греческихъ рапсодовъ? («Демборогъ» I. 67—68).

. А для струнъ пѣвца
Что за творческое поле, поле безъ конца—
Пять кресты, курганы наши и гробы князей
Отъ Мендоговой эпохи и до нашихъ дней.
Отъ старинной Кревской башни, гдѣ Кейстутовъ прахъ,
И до Припечи и Щары, гдѣ на берегахъ
Рядъ крестовъ поутонувшихъ въ глубинѣ рѣчной
Чудныхъ розказней по селамъ вызываетъ рой.
Сколько сладости волшебной есть въ сказапьяхъ тѣхъ!
Въ нихъ порою скорбь и слезы, а порою смѣхъ.....
Оживи послушной пѣснью рай минувшихъ дней
И тайникъ души литовской развернется въ ней!

Само собою разумѣется, что не только крестъ надъ утопленникомъ, но даже кухонные остатки и сваи над-

водныхъ жилищъ — чрезвычайно любопытны, а каменные стрѣлы или черепки отъ горшковъ—изъ того же первобытнаго періода—драгоцѣннѣе, пожалуй, чѣмъ кирпичи отъ королевскаго замка. Самая мелкая частность получаетъ огромное значеніе, если она повторялась миллионами людей, втеченіи сотенъ лѣтъ и выросла затѣмъ въ фактъ историческій, который относится къ быту общества и представляетъ иногда бѣльшій интересъ, чѣмъ смерть героя или перемѣна династіи. Но Кондратовичъ нисколько не заботится объ извлеченіи такихъ бытовыхъ основъ изъ памятниковъ исторіи. Для него всякій памятникъ—только знакъ, вызывающій воспоминаніе объ умершихъ, которые жили и страдали, а все, что люди почувствовали можетъ быть предметомъ пѣсни. Такимъ образомъ, каждый черепокъ, камушекъ или щепка могутъ быть перекристаллизованы въ алмазъ, и если это не дѣлается, то виной тому—неохота и неспособность пѣвцовъ, которые, еслибы они явились, имѣли бы изъ чего создать у насъ эпосъ, неуступающій эллинскому, или вальтер-скоттовскія баллады и поэмы. Да, собственно говоря, даже и таланта тутъ не требуется, лишь бы именно была охота. «Положите—говоритъ поэтъ—подъ микроскопъ души головку бабочки или людское сердце, слезинку чѣ стекла изъ скорбныхъ глазъ, иль сорванный съ литовскаго поля цвѣтокъ—и расскажите вы правдиво и точно блескъ каждой краски, каждое содроганіе сердца, движеніе каждое мельчайшаго атома, и пѣсня ладно сложится сама собою («Кусокъ хлѣба» II. 117)».

Но если это такъ, если, помощью приѣма, котораго тайну чародѣй унесъ съ собою въ могилу, возможно извлечь пѣснь изъ каждой травки, изъ глаза мухи и изъ всего, чѣмъ играетъ великая космическая жизнь, то затѣмъ казалось бы, что пепелища и могилы должны уже занимать въ творчествѣ лишь второстепенное мѣсто; что едва ли стоитъ изъ самыхъ лѣтописей вычитывать о всемъ, что перенесли люди умершіе, когда гораздо легче

производить наблюдение надъ всѣмъ живымъ. Однакоже поэтъ держится иного мнѣнія. Приведемъ мѣсто изъ Маргера (II в.): «Гдѣ ты, святое прошлое земли родной, съ героями твоими и богами, и съ арфами пѣвцовъ, сыновъ твоихъ? Какъ сновидѣніе ты пронеслась надъ свѣтомъ и нынѣ кто съумѣетъ прочесть тебя по старосвѣтской книжкѣ или на древнемъ кирпичѣ? Кто истолкуетъ жизнь ту, замкнутую въ знакѣ, кто правду извлечетъ изъ пересказа басень?» Здѣсь задача для поэзіи опредѣлена уже совершенно иначе: прошлое поставлено какъ таинственный сфинксъ на пьедесталѣ, и цѣлью поэта оказывается уже не воскрешение дѣлъ единичныхъ людей, пріемомъ анекдотическомъ, но—раскрытие общаго смысла, замкнутаго въ совокупности народной исторіи, однакоже доступнаго научному, методическому изслѣдованію всей этой совокупности. Между тѣмъ, такая нетвердость, измѣнчивость во взглядахъ Кондратовича на цѣли поэзіи и въ его предпочтеніяхъ, хотя и обнаруживаетъ слабость въ разсужденіи, объясняется весьма просто. Дѣло въ томъ, что пристрастіе къ прошедшему, влюбленность въ это прошедшее являлись у Кондратовича лишь частицей того сильнаго и горячаго чувства, которое охватывало его со всѣхъ сторонъ, господствовало въ душѣ его безраздѣльно, проникало его до мозга костей. Этимъ безграничнымъ чувствомъ была у него любовь къ родному краю, какъ къ необходимой ему стихіи, внѣ которой ему казалось невозможнымъ дышать и существовать.

Въ этой то привязанности для него дѣйствительно, и соединялось все—и травка, и вѣтеръ, и воспоминація, и обычай. Въ «Ночлегѣ Гетмана» (III. 13 в.) старый Дершнякъ спрашиваетъ Григорья Сулиму: знаешь ли, что такое родина?

. Частью жизни, крови
Родину святую старики зовутъ,
За нее дерутся и на смерть идутъ
Весело... Отчизна! Это—домъ твой, хата,
Крыша, подъ которой росъ ты, жилъ когда-то.

Пашня—хлѣбъ насущный твой въ голодный годъ,
 Рѣчка, гдѣ ты дѣтомъ плавалъ безъ заботъ,
 Это—очи милой, это другъ сердечный,
 Это наше небо съ долью безконечной,
 Тѣнь родного сада, старый дубъ и кленъ,
 И зовущій въ церковь колокольный звонъ.
 Это—долгъ твой, воля, сила молодая
 И отца родного борода сѣдая....
 Вотъ чтó значить это слово—край родной,
 И въ частицахъ мелкихъ, и въ семьѣ одной!

Еслибы пришлось разложить это многостороннее чувство, то на днѣ его оказались бы первобытныя впечатлѣнія, навѣянные принѣманской природой. «Я тѣ луга по аромату знаю и воду ту отгадаю по вкусу, не обманеть меня пѣніе птицъ иныхъ, по шуму я узнаю лѣсъ принѣманскій, и легкими своими различу я вѣтеръ съ мѣстъ родныхъ («Кусокъ хлѣба» II 130)». Авторъ самъ открываетъ намъ способъ зарожденія своихъ представленій и первоначальное ихъ сцѣпленіе, оставшееся затѣмъ навсегда: «по вкусу хлѣба этого и запаху, я чувствую вдалькѣ, надъ Нѣманомъ полянку боровую, даже капицу вижу тамъ на ней, соломой крытую и колокольчикъ слышу, чтó звенить вверху (II 130)».

Къ впечатлѣніямъ семейства физическаго, прибываютъ, какъ новыя колѣнца на стеблѣ, представленія деревни, праздника, корчмы, школы, крестьянскаго скуднаго добра и шляхетскаго стѣсненнаго быта; наконецъ,росло и третье колѣнцо, выше памяти о полѣ и деревнѣ—сказки, народныя преданія и повѣрья, анекдоты, воспоминанія связанныя съ крестомъ на дорогѣ, съ развалинами старой башни, съ такимъ-то домомъ или костеломъ, и представленія, сросшіяся съ этими предметами. А такъ какъ самую эпоху отличало общее стремленіе къ собранію возбуждающихъ воспоминанія вещей и къ сложенію изъ нихъ народнаго эпоса, то Кондратовичъ и принялся съ увлеченіемъ за это народное дѣло. Но, чтобы быть въ состояніи совершить его, кромѣ врожденнаго таланта, необходимо еще и знаніе, а его-то Сырокомля

и не имѣлъ, такъ какъ былъ самоучкой, образовалъ себя самъ, способомъ оригинальнымъ и страннымъ, какъ нынѣ никто не учится.

IV.

Когда состоявшія при монастыряхъ школы были закрыты, Кондратовича отдали въ уѣздное училище въ Новогрудкѣ; отсюда, окончивъ пятый и послѣдній классъ, 15-ти лѣтній мальчикъ былъ обращенъ отцомъ къ хозяйственнымъ занятіямъ, къ которымъ оказался совершенно неспособенъ; природа влекла его къ книжкѣ, какъ волка въ лѣсъ. Тогда отецъ, мелкій радзивилловскій арендаторъ, отдалъ Людовика, осенью 1847 г., въ главную контору радзивилловскихъ имѣній, помѣщавшуюся въ развалинахъ несвижскаго замка. Кондратовичу было уже 19 лѣтъ; робкій и неловкій, пришелъ онъ съ отцемъ, старосвѣтскимъ шляхтичемъ, въ княжеское управленіе и, глядя на отца, повторялъ его поклоны и жесты. Съ канцелярской работой юноша вскорѣ освоился. Веселаго нрава, способный, остроумный, сыпавшій стихами, Кондратовичъ понравился товарищамъ, старшіе изъ нихъ: Добровольскій, Рихтеръ, Контковскій, открывъ въ молодомъ человѣкѣ большія дарованія, старались склонить его къ болѣе серьезнымъ занятіямъ. Легко дававшіеся стишки не имѣли цѣнности, такъ же, какъ и пародіи, переложенія и подражанія сонетамъ крымскимъ Мицкевича въ «сонетахъ несвижскихъ» (VI 135—159). Вскорѣ пришла и любовь, къ которой поэтъ былъ склоненъ еще съ первыхъ юношескихъ годовъ. Глазки 16-ти лѣтней Паулины Митрашевской покорили сердце немногимъ старше ея Кондратовича. Недолго думая, молодые люди повѣнчались, не имѣя ничего за душой, а такъ какъ надо было подумать о ихъ будущемъ, то отецъ уступилъ имъ аренду подъ Миромъ, въ Залучьи надъ Нѣманомъ. Впрочемъ, женитьба не оправдала мечтаній поэта; жена

его была женщина добрая, но простая и прозаичная, не подходившая къ идеалу; дѣтей же родилось пятеро.

Казалось бы, что женившись и похороня себя въ глуши, Кондратовичъ закрылъ предъ собой всякую будущность. Между тѣмъ, вышло иначе: въ этомъ уединеніи, работая надъ своимъ образованіемъ, поэтъ втеченіи девятилѣтія (1844—1853) значительно развился; уединеніе «учительница великихъ людей (Мицкевичъ)» послужило ему въ пользу. Войдемъ въ тотъ старый домъ, съ кривыми, влѣзшими въ землю стѣнами, съ крышей, покрытой цвѣтущимъ мхомъ («О старомъ моемъ домѣ» VI 177—182. Въ Залучы. 1847 г.): двѣ горницы—одна для семьи, другая, кирпичнаго цвѣта, составляла для поэта цѣлый университетъ; тутъ находились столъ съ бумагами—«тронъ силы» и шкафъ съ книгами («гибель моя и мое счастье»). Здѣсь-то, вглядываясь въ каминъ или въ нитки паутины, сноваль Кондратовичъ и свои мысленныя нити, также «легкія и слабыя, какъ паутина». Тѣ книжки, изъ коихъ онъ добывалъ свою умственную пищу были старыя, заброшенныя, никѣмъ въ то время уже не читавшіяся; ключъ къ нимъ дало ему пріобрѣтенное у доминикановъ основательное знаніе латинскаго языка. Въ ряду этихъ «покойныхъ» книгъ, первое мѣсто занимали польскіе и польско-латинскіе поэты XVI и XVII вѣковъ. Усидчивымъ трудомъ—перевода великихъ мастеровъ золотаго вѣка Сигизмундовъ, Ягеллоновъ: Кохановскаго, Клѣновича, Сарбѣвскаго—Кондратовичъ какъ бы воспринялъ крещеніе въ духъ европейскаго Возрожденія, изощрилъ на немъ и на нѣкоторомъ знакомствѣ съ классической древностью свой вкусъ и выработалъ языкъ, которымъ впослѣдствіи владѣлъ мастерски, хотя до самаго конца не могъ отдѣлаться отъ нѣкоторыхъ провинціализмовъ и даже руссизмовъ. Переводилъ онъ не только поэтовъ, но и сухихъ историковъ; разбиралъ старыхъ, просматривалъ и новыхъ, затверживалъ, подаренную ему при свадьбѣ, исторію литературы Вишневецкаго, которую цѣнилъ какъ величайшее сокровище (Крашевскій 15); собиралъ кое-

какія археологіческія свѣдѣнія, изъ которыхъ въ послѣдствіи произошли его «Поѣздки» и собирався самъ написать исторію польской литературы. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ, въ какихъ онъ работалъ эта исторія могла быть только компиляціею, украшенною немногими самостоятельными чертами, какія можетъ прибавить каждое изученіе наново извѣстныхъ и приведенныхъ уже въ систему подлинниковъ.

Недостаточность такого образованія очевидна. Будучи совершенно неметодичнымъ, оно шло навыворотъ: не отъ общихъ, принятыхъ въ данное время началъ—къ частностямъ, но отъ мельчайшихъ подробностей—къ общимъ началамъ, которыя Кондратовичъ долженъ былъ угадывать и порою дополнять. Въ сороковыхъ годахъ господствовала въ преподаваніи нѣмецкая метафизика, перенесенная на нашу почву Трентовскимъ, Кремеромъ, Либельтомъ. Каждому изъ насъ вкладывали въ ротъ разжеванную, готовую исторіософическую систему, въ которой исторія начиналась не такъ какъ теперь—отъ праотцовъ каменнаго вѣка, но всетаки издалека—отъ Индіи и Китая, и выражала собой рядъ эволюцій въ три темпа—«абсолютнаго духа», оканчивавшійся на культурѣ германской—вѣнцѣ мірозданія. Намъ хотѣлось немногаго: только прибавить къ разыграннымъ эволюціямъ еще одну, новую, которая бы представлялась въ будущемъ—народами славянскими. Хорошо теперь смѣяться надъ «абсолютнымъ духомъ», надъ фатализмомъ *des Werden's*, надъ искусственной группировкой фактовъ исторіи, надъ соединеніемъ ихъ въ тройки тезъ, антитезъ и синтезъ. Польза однако отъ этой исторіософіи была въ свое время большая, такъ какъ система эта соединяла огромный запасъ свѣдѣній, сгруппированныхъ съ такой точностью, что отсюда явствовало основное единство всемірной исторіи, и теченіе жизни каждаго народа представлялось ясно отъ начала до конца, какъ ходъ развитія сборнаго организма, который принадлежалъ къ еще большому цѣлому.

Исторіософія давала возможность сразу ориентироваться въ громадной совокупности фактовъ, она открывала въ этомъ лѣсу далекія просѣки, ставила путевые столбы, а историческому поэту давала готовый фонъ для его картинъ. Такъ какъ надо было предполагать, что духъ народа и вѣка, однажды опредѣленный этою исторіософіею, извѣстенъ всѣмъ, то поэту было позволительно прямо вводить дѣйствующія лица, ограничись немногими вступительными чертами. Но Кондратовичъ не проходилъ этой школы, а усердное собираніе по крупинкамъ мелкихъ историческихъ подробностей въ ближайшей окружности могло дать ему развѣ значеніе уѣзднаго археолога—какимъ онъ представляется въ своихъ «Поѣздкахъ»—или компилятора—какимъ онъ является въ своей «Исторіи литературы». Взавшись за историческую поэму, Кондратовичъ признавалъ необходимымъ сперва загрузнтовать фонъ картины, описать подробно эпоху; но такъ какъ историческія его свѣденія были среднія, такъ какъ онъ зналъ только то, что вычиталъ въ трудахъ позднѣйшихъ, или то, что во всякомъ случаѣ, уже послужило матеріаломъ для такихъ работъ, а стало быть было уже извѣстно, то и его описанія эпохъ, занимающія иногда цѣлыя страницы, представляютъ, по большей части, только реторику, то есть украшенное изложеніе истинъ весьма извѣстныхъ, являются картинной и остроумной, но совѣмъ излишней ихъ перифразой.

Приводимъ нѣсколько примѣровъ въ доказательство предшествующаго положенія. Въ «Янкѣ Могильникѣ» — поэмѣ написанной въ 1856 г., т. е. въ лучшую эпоху, Кондратовичу пришлось дать характеристику близкаго, хорошо извѣстнаго Наполеоновскаго времени. Спрашивается, развѣ не чистѣйшая реторика—все то мѣсто, гдѣ «диктаторъ галловъ» представляется какъ творящій самъ великую историческую поэму: «отдѣлы войскъ — его слова, вооруженные ряды — огненные его фразы. Тактъ сердца его — громъ орудій, а хартіей ему — полсвѣта. И слово каждое, и каждый оборотъ кипѣли

такъ, какъ мысль художника, горѣли огнемъ человѣческой мысли (III 87)»... И между тѣмъ, «то былъ обычный путь, которымъ идетъ титанъ, чтобы стать полубогомъ». Если бы здѣсь не была вставлена фраза «диктаторъ галловъ» и нѣсколько географическихъ терминовъ какъ-то о переходѣ Альповъ и Пиренеевъ, о пирамидахъ и т. д. то можно было бы теряться въ догадкахъ, котораго собственно изъ завоевателей новыхъ временъ (такъ какъ упоминается артиллерія) должно изображать это описаніе, оканчивающееся моралью во вкусѣ проповѣдей: «и пѣснь великая огня, крови и дѣль, мыслью не вышла за предѣлъ толпы» — потому что была внушена гордостью, а гордость не можетъ создать вещей, отмѣченныхъ божественной искрою, все равно «беретъ-ли словесныя болѣе блѣдныя краски, или картечью разрываетъ воздухъ».

Можно проклинать геній за то, что дѣла его были не — благотворныя, не — божескія, но произносить такое сужденіе, что мысль генія не вышла за предѣлъ толпы, значить — противорѣчить собственному признанію за тѣмъ же лицомъ характера геніальности и титаничности.

Обратимся къ прошедшему болѣе отдаленному, къ XVI вѣку, который Кондратовичу такъ нравился и былъ ему лучше другихъ извѣстенъ. Въ «Стеллѣ Форнаринѣ» есть длинное описаніе, которое должно служить характеристикой эпохи Возрожденія (IV 4—9), но состоитъ изъ общихъ мѣстъ или изъ понятій ошибочныхъ, ни мало несоотвѣтствующихъ тому преклоненію предъ нагимъ человѣческимъ тѣломъ, тому языческому взгляду на природу, наконецъ тому какъ-бы захвату религіи искусствомъ, противъ котораго, какъ противъ кощунства, заявила свой горячій и мрачный протестъ Реформація. У Кондратовича же, послѣ рутиннаго изображенія сперва господства римскихъ цезарей, затѣмъ — рыбаля ладьи Петровой, оказывается, что чудеса и отлученія, перо философовъ и талантъ художниковъ были провиденціальными ору-

діями господства церкви: «свѣтъ засіялъ надъ камнемъ Петровымъ и народились міру геніи искусства».

При такомъ фальшивомъ усвоеніи всему искусству эпохи Возрожденія—характера церковнаго, между тѣмъ, какъ искусство это весьма мало религіозно, даже въ самомъ Рафаэлѣ, и самые предметы изъ сферы церковной изображаетъ не въ религіозномъ духѣ, — всѣ великіе мастера должны оказаться похожими другъ на друга. Леонардо и Рафаэль, Луини и Буонаротти, точно такъ, какъ Фра-Анжелико, становятся воплощеніями божескаго духа, въ предѣлахъ ученія Церкви, и во славу ея. «Изрекъ духъ божій—и въ міръ явился Рафаэль Урбинскій». Но такимъ образомъ изъ характеристики улетучивается духъ Возрожденія, и остаются въ ней однѣ риторическія фразы безъ внутреннаго значенія.

Если Кондратовичу не удалась картина Возрожденія, то оцѣнка Реформаціи у него вышла крайне поверхностная («Перемышльскій каноникъ». 1851 г. I. 211, 238). Реформація у него объясняется своеволіемъ дворянства — ставъ наравнѣ съ королевскою властью, дворянство не церемонится и съ властью божескою—и съ фанатизмомъ женевскихъ и виттембергскихъ проповѣдниковъ, гласящихъ, что они восприняли всю премудрость Божію. Отъ Лютера и великихъ отступниковъ поэтъ отдѣляется слишкомъ легкимъ способомъ, какъ патеры въ проповѣди: «черту любви святой они стерли въ себѣ, и не ея бальзамъ, но жолчь имѣютъ въ сердцѣ, и на устахъ ихъ брань, и гордость на челѣ». Общими мѣстами въ этомъ родѣ исполнены всѣ произведенія Кондратовича, имѣющія претензію на значеніе историческихъ. Есть въ числѣ ихъ и такія, которымъ нельзя сдѣлать иного упрека, кромѣ того, что они—совершенно излишни. Это—тѣ, въ которыхъ преподается, на нѣсколькихъ страницахъ, просто риѣмованная лекція изъ исторіи, съ одной стороны вовсе не нужная по ходу разсказа, а съ другой недающая ровно ничего болѣе, чѣмъ любой учебникъ («Селеніе Любранецъ». I. 202; въ этомъ стихотвореніи,

строфа XI о Болеславѣ Кривоустомъ, какъ будто прямо взята изъ «Историческихъ пѣсень» Нѣмцевича). Картины Польши при Пястахъ въ «Послѣднемъ изъ Топорчиковъ (III 125)» и Запорожье—въ эпилогѣ «Ночлега Гетмана (III. 180)» неприятно дѣйствуютъ своей банальностью. Скарга, время Яна—Казимира въ «Старыхъ Воротахъ (III 57, 59)», соперничество Лещинскаго и Августа III—въ «Старостѣ Копаницкомъ (III, 47)» представлены растянута, скучно, безвкусно. Въ самомъ «Маргерѣ», несмотря на старательную обработку стиля, собственно историческій фонъ сдѣланъ сѣро, потому что недоставало живости самымъ идеямъ. Положимъ, Янъ изъ Мельштина, посолъ Казимира Великаго; дѣйствительно былъ отпущенъ ни съ чѣмъ изъ Мариенбурга, это—знаменательный фактъ въ исторіи Длугоша и въ событіяхъ польской дипломатіи. Но когда поэтъ посвящаетъ цѣлую пѣснь на описаніе одного церемоньяла при отпускѣ этого посла, то въ читателѣ, при наилучшихъ намѣреніяхъ, она не возбуждаетъ интереса, какъ его не заняло бы переложеніе въ стихи вѣнскаго трактата, лайбахскаго или парижскаго конгресса.

Возьмемъ изъ этой пѣсни двѣнадцать плавныхъ и гладкихъ стиховъ: «Покинувъ стражу предъ Господнимъ гробомъ, разсѣлся инокъ на квяждой столицѣ, и мечъ испробовавъ въ благочестивой службѣ, сталъ нынѣ хищникомъ чужихъ владѣній. Онъ надъ сосѣднею Литвой, надъ Прусомъ и надъ Ляхомъ, съ угрозой держитъ мечъ, увѣнчанный крестомъ. Всѣ силы алчности, гордыни непреклонной гнѣзятся въ сердцѣ богача—монаха. Тотъ, кто принялъ покорности обѣтъ — теперь могуществомъ царей превыситъ хочетъ; чудовищную грудь вздымаетъ высокó лишь жажда власти, золота и наслажденья».... Стихи Кондратовича звучны и легки, но если этотъ образъ разложить на единичныя черты, то не получится ни одной, которая бы не была зауряднымъ «общимъ мѣстомъ», такъ что въ сравненіи съ этой тканью изъ позаимствованныхъ нитей, красивѣе представляется про-

заическая иллюстрація Шайнохи, гораздо лучше даже рассказъ Длугоша, а нечего уже и упоминать о «Валленродѣ», изъ котораго Кондратовичъ позаимствовалъ всѣ краски, нужныя ему для «Маргера».

Вообще рассказы и описанія у Кондратовича приторны, но еще приторнѣе тѣ нравоученія, какими они сопровождаются. Онъ считалъ обязанностью не только очерчивать фізіономію вѣка, но еще истолковывать историческія событія, и не только истолковывать, но какъ бы раскусывать ихъ и подавать читателю заключающійся внутри ихъ нравственный смыслъ въ родѣ поученія для потомства. Конечно, такая задача, если она исполняется надлежащимъ образомъ, можетъ имѣть высокое значеніе. Но для этого, самая точка зрѣнія на событія должна быть взята гораздо выше; сверхъ того, здѣсь необходимо обширное знаніе, знакомство съ законами роста и упадка общества, съ тѣмъ, что на языкѣ нынѣшняго позитивизма называется статическими условіями быта, отъ которыхъ зависитъ дѣятельность всѣхъ членовъ организма и самая его прочность. Если смотрѣть съ высоты научной, то въ событіяхъ наиболѣе рельефно выступаютъ самыя массы, а не единичныя личности; вліяніе этихъ единицъ, съ ихъ добрыми и злыми намѣреніями, представляется тогда мелкимъ, незначительнымъ; въ усиліяхъ, совершаемыхъ массами проглядываютъ инныя, неизмѣнныя причины дѣйствія, всегда производящія сходные результаты, причины, кроющіяся въ самыхъ организмахъ и болѣе глубокія, чѣмъ свободная воля отдѣльныхъ личностей или сословій, и хотя бы даже самыхъ племенъ и народовъ.

Когда тѣ условія, которыя произвели извѣстное зло выказаны, то роль какъ науки, такъ и поэзіи, которая пользуется наукою, уже окончена. Остальное дополнить читатель, и самъ же извлечетъ нравственный смыслъ изъ того, чтò случилось, самъ сознаетъ этотъ смыслъ такъ ясно, что можетъ даже пожертвовать жизнью на защиту коренныхъ условій быта своего народа или при-

ложить всё усилія къ тому, чтобы ослабить дѣйствіе тѣхъ причинъ, которыя угрожаютъ разложеніемъ организма. Когда задача историческаго изслѣдованія поставлена такимъ образомъ, то анализъ личной вины того или другаго дѣяателя является уже дѣломъ второстепеннымъ, нужнымъ только въ смыслѣ представленія иллюстрированныхъ примѣровъ въ подтвержденіе основныхъ тезъ изслѣдованія. Кондратовичъ смотрѣлъ на дѣло совершенно иначе; онъ даже не догадывался, что рядомъ съ вопросами общественной динамики, представляются и прежде всего требуютъ разрѣшенія вопросы статики, что главные недостатки заключались не въ тѣхъ или другихъ функціяхъ общественныхъ органовъ, но въ самомъ составѣ общества. Онъ не сознавалъ, что іезуиты не могли не преслѣдовать Ацерна (II. 234), что лехитъ не могъ, при данныхъ условіяхъ быта, не остаться самовольнымъ, магнаты не могли не спекулировать староствами, а нисшее дворянство не предаваться разгулу и колебать имъ все (Т. 54); что польскій сеймъ въ половинѣ XVIII вѣка не могъ быть инымъ, какъ именно бурнымъ и слѣпымъ; самымъ естественнымъ и роковымъ образомъ происходило, что «сенаторъ деньги копилъ въ сундукѣ, монахъ сталъ гордъ, разбогатѣвъ безъ мѣры, а шляхтичъ на подати гроша не давалъ».

Въ простотѣ своей души, Кондратовичъ вѣритъ, какъ, впрочемъ вѣрили и его предшественники, начиная отъ Кохановскаго, что главной бѣдой было размягченіе нравовъ: «сарматъ сошелъ съ пути предковъ (I. 54). Въ чистой любви и въ вѣрѣ горячей скрывалась тайна дѣлъ могучихъ; не по плечу мы тѣмъ людямъ великимъ, что Богу давали всю вѣру, а родинѣ всю любовь (III. 188)». Согласно съ такой душевной простотой, Кондратовичъ все содержаніе исторіи видитъ въ ошибкахъ и винахъ единичныхъ сословіи, вѣковъ и поколѣній, заключаая по-богословски отъ ихъ прегрѣшеній къ объясненію бича Божьяго, казнящаго народы (I. 53). Гораздо яснѣе однако, чѣмъ въ своихъ историческихъ

поэмахъ, Кондратовичъ выразилъ свое пониманіе польской исторіи въ одномъ изъ красивыхъ по формѣ, произведеній, носящемъ заглавіе «Старопольскія рораты» (1858 г. Вильно ¹). На алтарѣ стоитъ семираменный свѣтильникъ; представитель каждаго звена польскаго государства или республики: король, примась, сенаторъ, землевладѣлецъ, воинъ, мѣщанинъ и крестьянинъ, по очереди, зажигаетъ на томъ свѣтильникѣ свѣчу, представляющую основную добродѣтель соотвѣтствующаго положенія или сословія (status) ²). Когда нравы въ республикѣ испортились, свѣтильникъ покрылся ржавчиной и положеніе всѣхъ сословій измѣнилось: «на руки королей крѣпкія вложены узы, угасло въ пастыряхъ усердіе святое, сенаторы «братьевъ» поятъ, а дворянство думаетъ только о конфедераціяхъ. Воинъ сталъ притѣснять тѣхъ, кого защищалъ, купца разорила лихва, крестьянинъ захудалъ, ставъ рабомъ господскаго двора; и вотъ труба ангела позвала всѣхъ на судъ Божій». По отдѣлкѣ «Старопольскія рораты» похожи на отшлифованный камень, хотя—камень не особенной цѣнности.

Приведемъ еще мѣсто въ томъ же родѣ изъ «Старыхъ воротъ» (Борейковщина, 1856 г., III. 47), гдѣ говорится, что тягчайшимъ грѣхомъ прошедшаго была «свобода», но свобода дурная, а не та, законная, какая дана Богомъ «и мысли человѣка, и небесной пташкѣ». Эта, здравая свобода хорошо сознаетъ, что «если она путь начертанный хотъ на атомъ нарушить, то вмѣсто счастья, которое утверждено на ней, она несетъ конецъ ужасный міру». Возраженіе наше противъ этого мѣста вызывается не основной его мыслью, которая заключаетъ лишь обыденную мораль, что злоупотребленіе свободою

¹) «Roratae» — спеціальныя мессы въ декабрѣ предъ Рождествомъ (Adventus), начинающіяся псалмомъ «Rorate».

²) Какъ латинское слово status обозначаетъ и то, и другое, такъ и польское слово «stan». Поэтому при перечисленіи государственныхъ сословій (stanów), включались король и примась.

вредно, но странной путаницей во первыхъ въ сдѣланномъ сравненіи понятій о свободѣ человѣческой мысли, которая можетъ и должна быть неограниченна, и о свободѣ пташки небесной. Приводить такое сравненіе въ назиданіе человѣку совсѣмъ неумѣстно. Во вторыхъ, если сравненіе относится къ свободѣ человѣческихъ дѣйствій, которая становится вредна, когда выходитъ за опредѣленный кругъ, то сравненіе невѣрно, потому что люди, нарушая, такимъ образомъ, справедливость или вреда общей пользѣ, обыкновенно не сознаютъ при этомъ, что переступаютъ границу естественныхъ своихъ правъ, такъ что нарушеніе чаще является логической ошибкой, чѣмъ нарушеніемъ нравственнаго начала.

Высказавъ наше мнѣніе, что Кондратовичъ, вслѣдствіе недостатка высшаго образованія, былъ неспособенъ исполнять призваніе историческаго поэта, что историческая поэзія его не возносится высоко и часто падаетъ, въ своихъ усиліяхъ справляться съ великими вопросами исторіи, отдадимъ однако справедливость поэту, признаемъ его заслуги и на этомъ полѣ. Однимъ изъ главныхъ достоинствъ его представляется то обстоятельство, что онъ смотрѣлъ на факты трезво, никогда не поддавался господствовавшему въ то время въ польской поэзіи «мессіанизму», не старался выставлять святымъ то, что было несомнѣнно—грѣховно. Напротивъ, онъ прямо высказалъ, что: «только орудіемъ Бога служатъ хищные вороны, стаяй слетаясь на мертвое тѣло. Не они повинны въ смерти твоей, не чужая рука гибель царствамъ приносить, но лишь вины народовъ («Старыя ворота III. 58)». Правда, авторъ, какъ бы убоясь смѣлости своей мысли, считаетъ обязанностью объясниться и извиниться: «о прошлая жизнь, ты наставница наша!... Пусть то не будетъ святотатствомъ предъ тобой, если взирая издали на мать нашу, мы на лицѣ ея усмотримъ недостатки». Разсмотрѣніе сатирической стороны въ талантѣ поэта ниже докажетъ, что подобныя оговорки вставлялись имъ только, какъ говорится «для приличія».

Одинъ тотъ фактъ, что въ историческихъ картинахъ Кондратовичу не удавался «фонъ», что очертаніе и колоритъ самой эпохи у него часто невѣрно или, по меньшей мѣрѣ, не отвѣчаетъ нынѣшнимъ требованіямъ отъ искусства, этотъ фактъ, взятый отдѣльно, былъ бы еще недостаточенъ, чтобы на немъ одномъ основать сужденіе о достоинствѣ цѣлыхъ произведеній. Никому въ мысль не приходитъ осуждать картины славной школы Леонардо Перуджина и самого Рафаэля за несовершенство пейзажа, за недостатокъ на картинахъ «воздуха», перспективы, за плоскость отдаленныхъ горъ и лѣсовъ, какъ бы прилѣпленныхъ полосами на заднемъ планѣ. Эти техническіе промахи въ вырисовкѣ фона у тѣхъ художниковъ исчезаютъ, мы забываемъ о такихъ недостаткахъ — въ виду первостепенныхъ красотъ въ изображеніи дѣйствующихъ фигуръ, богатства жизни и выраженія въ ихъ лицахъ. Великимъ мастерамъ удавалось, даже при относительно маломъ запасѣ положительныхъ свѣдѣній о той или другой исторической личности, всего по нѣсколькимъ чертамъ, создавать такіе типы, что только позднѣйшія изслѣдованія исторической науки приносили точное подтвержденіе геніальной догадкѣ художника. Но къ Кондратовичу нельзя этого примѣнить и относительно изображенія главныхъ лицъ; онъ не владѣлъ тѣмъ художественнымъ откровеніемъ и не былъ счастливъ ни въ выборѣ, ни въ уразумѣніи и передачѣ своихъ героевъ; онъ принимался за воспроизведеніе многихъ, но то не вырисовывалъ ихъ окончательно, то создавалъ портреты, хотя и законченные, но вызывающіе много возраженій.

V.

Первымъ недоношеннымъ плодомъ историческаго пониманія и воображенія Сырокомли явился Владиславъ III, прозванный Варненчикъ, этотъ король-юноша, посланный

всехристіанскою политикою на Венгрію, а послѣ Венгріи, путемъ нарушенія присяги, — на смерть подъ Варною. Представленіе объ этомъ несчастномъ королѣ возникло у Кондратовича при чтеніи Кохановскаго и Каллимаха. Во времена Кохановскаго люди были менѣе щепетильны; нарушеніе даннаго слова, совершенное въ интересахъ вѣры, казалось тогда такимъ пустякомъ, что Кохановскій, въ отрывкѣ о битвѣ съ Амуратомъ, выражается такъ: «о святой король Владиславъ, который мужествомъ достигъ золотого престола въ небѣ, на землѣ памятникомъ тебѣ — Балканы, а вся Европа — могилой». Во времена позднѣйшія того, въ которомъ жилъ Кохановскій, не только люди стали относиться строже къ нѣкоторымъ вещамъ, но подвергалась сомнѣнію и мученическая заслуга романическаго рыцаря, который бросилъ собственную страну, устремляясь за суетнымъ блескомъ крестоваго похода, и тѣмъ способствовалъ ослабленію королевской власти, т. е. именно тому обстоятельству, что впоследствии на руки королей «крѣпкіе вложены узы». Современный намъ поэтъ обязанъ былъ бы коснуться вопроса о совѣсти и выставляя, положимъ, короля въ видѣ агнца принесеннаго на закланіе, долженъ былъ бы высказать приговоръ надъ легатомъ Чезарини и надъ канцлеромъ Збигнѣвомъ Олесницкимъ, которымъ Владиславъ поддался. Но такимъ образомъ, поэтъ вызвалъ бы въ читателѣ иное впечатлѣніе, совершенно несогласное съ отношеніемъ его самаго къ церкви.

Кондратовичъ впрочемъ только поигралъ съ этой темою и оставилъ ее, увлекшись другимъ, съ виду яркимъ предметомъ, а именно привязался мыслью къ самому отъявленному коноводу смуть, какой только являлся въ Польшѣ, а именно къ Оржеховскому, перемышльскому канонику и знаменитому публицисту, настоящему польскому Алкивіаду XVI вѣка, несмотря на сутану. Поэтъ-художникъ, остановясь на этой фигурѣ геніальнаго политика, бушевавшаго страстью, вооруженнаго истинно-золотымъ перомъ, представлявшаго собой уди-

вительную смѣсь хорошаго и дурнаго, непременно долженъ былъ рѣзко выставить и соединить въ своемъ героѣ три главныя черты его публичной дѣятельности: показать въ немъ — общественнаго реформатора, выдвигающаго впередъ идею объ уніи и вмѣстѣ мысль объ отмѣнѣ безбрачія, затѣмъ — пламеннаго католика, бичевавшаго диссидентовъ и наконецъ — столь же значительнаго теоретика золотой дворянской вольности. Но Кондратовича, кажется, влекло къ Оржеховскому болѣе всего то, что этотъ новаторъ былъ въ сущности до мозга костей католикъ; что этотъ пламенный дѣятель, будучи въ душѣ приверженцемъ строгости и дисциплины церковной, силился создать какой-то своеобразный католицизмъ, примѣнимый къ духу времени (Кондратовичъ, «Исторія литературы», II. 147, изд. 1875 г.). Не подлежитъ сомнѣнію, что борьба взаимно-враждебныхъ элементовъ въ самомъ Оржеховскомъ была въ высшей степени драматична, но еще не всякое драматическое положеніе создаетъ героя, пригоднаго для драмы или эпопеи. Чтобы заинтересовать и расположить читателя къ герою требуется, или, чтобы при высокихъ качествахъ души, его судьба была трагична, или, чтобы вслѣдствіе внутренней борьбы, человѣкъ этотъ сдѣлалъ нѣчто его возвысившее; отрекся отъ своего влеченія, отъ своего счастья, принеся ихъ въ жертву идеалу, поставленному имъ выше эгоизма.

Между тѣмъ, ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ, Оржеховскій въ герои не годился. Конецъ его былъ не трагическій, а только достойный сожалѣнія: послѣдователи новыхъ ученій возненавидѣли его какъ своего врага, католики видѣли въ немъ сомнительнаго союзника и относились къ нему съ подозрѣніемъ; словомъ, всѣ его оттолкнули. Оржеховскій старался заслужить своимъ перомъ милость Рима, однако не дождался освященія своего брака и признанія дѣтей законными. Онъ самъ былъ виноватъ въ томъ, что отъ него всѣ отвернулись. Онъ былъ человѣкъ талантливый, но отлитый изъ неособен-

наго металла, колеблющійся, пристрастный, приносящій все въ жертву страсти. Кондратовичъ напрасно старается его возвысить, одаряя его задушевной мечтательностью, сердцемъ чувствительнымъ, которое губить его же «радужные сны и мысли свѣтозарныя» (I. 247); самыя эти свойства уже находятся въ противорѣчїи съ вулканичностью его натуры, съ рѣзкостью и необузданностью его порывовъ: «когда читаю, то читаю страстно, когда молюсь—весь ухожу въ молитву, когда люблю—прочь мудрость всего свѣта, а когда каюсь—кровь въ моихъ слезахъ» (I. 240). Въ дѣйствительности же, Оржеховскій представляется человѣкомъ весьма положительнымъ, практическимъ, умѣющимъ господствовать надъ обстоятельствами и людьми, пламеннымъ только въ словахъ, а въ душѣ—холоднымъ себялюбцемъ. Не имѣя призванія къ духовному сану и зная свой темпераментъ, Оржеховскій дѣлается священникомъ, чтобы заработать кусокъ хлѣба, принимаетъ посвященіе съ предвзятымъ намѣреніемъ жениться, то-есть—нарушить приносимый обѣтъ.

Оправданія, придуманныя для него поэтомъ будто отецъ принудилъ его сдѣлаться духовнымъ: «надѣнь сутану иль прими отцовское проклятье (I. 245)», а впослѣдствїи «сердце ему вновь и вновь разжигаетъ Кипра богиня (249)»—недостаточны уже просто потому, что рѣшеніе относительно женитьбы было принято Оржеховскимъ не только прежде посвященія, но и раньше, чѣмъ онъ познакомился и съ дочерью Страша и съ Хелмской, такъ что рѣшеніе это было внушено не любовью, но совсѣмъ иными побужденіями, а именно—страшнымъ честолюбіемъ, желаніемъ играть роль, которая по настроенію времени приходилась какъ разъ впору и должна была сразу дать ему огромную популярность. Такую популярность онъ, дѣйствительно, и прїобрѣлъ, но она была нѣсколько похожа на славу Герострата: ксендзъ вступилъ въ борьбу съ епископами, желая силою остаться въ Церкви, и самъ наводилъ на церковь нововѣрцовъ, которые хотѣли не преобразовать ее, но уничтожить; словомъ, довелъ смуту

до того, что Польша едва не сдѣлалась протестантской. А такъ какъ при всемъ этомъ, Оржеховскій, оставался ревностнымъ католикомъ, то въ смятеніи имъ руководили только личные мотивы. Знатные протестанты— Гурки, Радзивиллы, Зборовскій, Лещинскій, которые переодѣвались слугами, чтобы сопровождать въ Краковѣ Оржеховскаго, на конференцію съ епископами, и помогали ему деньгами, имѣли при этомъ ясную цѣль; они хотѣли, при его помощи, уничтожить такъ называемую «экзекуцію», то есть ограниченіе свѣтскихъ правъ, сопряженное съ епископскимъ отлученіемъ отъ церкви; понятно, что они стремились къ этому для полученія полнаго простора распространенію протестантства.

Дѣло, дѣйствительно, дошло до того, что принадлежавшее епископамъ право судить дворянъ за ересь сдѣлалось сомнительнымъ—и разумѣется, это былъ очень большой успѣхъ, но если принять въ соображеніе собственныя убѣжденія того человѣка, который этого добился, то такая побѣда представится печальной для личной его совѣсти. И вотъ, одержавъ ее, Оржеховскій молить о прощеніи, трибунъ дворянства смиряется передъ церковью апеллируетъ въ Римъ, который безконечно медлитъ отвѣтомъ, а Оржеховскій выслуживается куріи ядовитымъ перомъ, которое онъ обращаетъ противъ послѣдователей новыхъ религіозныхъ ученій. Эти его сочиненія сдѣлались для двухъ послѣдующихъ вѣковъ чѣмъ-то въ родѣ политическаго катехизиса, въ которомъ выразился неразрывный союзъ религіозной реакціи съ духомъ и интересомъ дворянства, еоократическаго правленія съ—анархіей. Отъ этого-то брака и родилось грѣховное и проклинаемое Кондратовичемъ дитя, называвшееся въ то время свободой, «чье имя первымъ призоветъ тотъ самый, кто хочетъ рабскія вложить оковы (III. 47)». Впрочемъ, Кондратовичъ не довелъ своей поэмы до этого періода жизни Оржеховскаго, а потому и не былъ принужденъ самъ сознать ошибочность первоначальной мысли своего произведенія, выраженной въ первыхъ его стихахъ, нѣ-

сколько напыщенныхъ и къ характеристикѣ его героя не подходящихъ: «я человѣкъ свободный, сынъ свободнаго народа, къ чему же юношей еще, я тяжело скованъ былъ (I. 236)».

Поэма не была доведена даже и до самаго драматическаго момента—борьбы Оржеховскаго съ епископами, и въ отрывкѣ, который мы имѣемъ, очерчены только два главные противники: Оржеховскій, который, по любви къ Маргаритѣ Хелмской, хочетъ на ней жениться и епископъ Дзядускій, этотъ эпикуреецъ и шутливый царедворецъ, креатура королевы Боны, котораго поэтъ, наперекоръ исторіи, выставляетъ аскетомъ и поборникомъ строгости нравовъ. Мы можемъ догадываться о поводахъ, послужившихъ для отклоненія Кондратовича отъ дальнѣйшей работы надъ Оржеховскимъ, которою онъ занимался въ 1851 году въ Залучи. Въ этомъ году Кондратовичъ два раза ѣздилъ въ Вильно—въ январѣ и въ сентябрѣ. При первомъ посѣщеніи города, онъ познакомился съ поэтомъ, державшимся совершенно иного направленія, а именно съ Эдвардомъ Желиговскимъ, послѣдователемъ школы мистицизма и титаническихъ порывовъ, который въ то время работалъ надъ поэмою «Монахи» (Крашевскій, отзывается о ней такъ: «стихи прекрасные, но мысль ядовитая», стр. 44). Когда Кондратовичъ пріѣхалъ въ Вильно въ сентябрѣ, то Желиговскій былъ уже перемѣщенъ въ Петрозаводскъ, а поэма его получила окончательно такое названіе: «Онъ, она и они». Отрывки ея Кондратовичъ прислалъ въ «Athenaeum», прибавивъ, что въ общей совокупности, она ему не нравится (51). Это было нѣчто въ родѣ продолженія «Монахомахіи» Красицкаго, но продолженія уже не въ добродушномъ тонѣ сатирика—епископа, а человѣка исполненнаго желчи. Темою служила любовь монаха, и поэма прямо и сильно была въ самое учрежденіе безбрачія лицъ духовныхъ. Это совсѣмъ не соотвѣтствовало настроенію Кондратовича; правда, онъ также избралъ въ Оржеховскомъ тему аналогичную, но вовсе безъ намѣренія выводить изъ нея какія либо практиче-

скія послѣдствія; онъ видѣлъ въ ней только драматическій сюжетъ—не болѣе. Въ виду рѣзкой постановки вопроса у Желиговскаго, Кондратовичъ тотчасъ отретировался, бросилъ своего перемышльскаго каноника въ самомъ критическомъ моментѣ его жизни—среди его старнѣй относительно брака—и отыскалъ собѣ другую тему для эпической обработки, во временахъ совсѣмъ отдаленныхъ, до — христіанскихъ. Такимъ образомъ, возникъ «Маргеръ», о которомъ самъ поэтъ говоритъ въ предисловіи, что это—наиболѣе удавшееся изъ дѣтей его духа. Въ самомъ дѣлѣ, надъ «Маргеромъ» Кондратовичъ работалъ долѣе, чѣмъ надъ какимъ-либо изъ своихъ произведеній—отъ конца 1852 до 1854 года—и эта поэма дала ему наиболѣе наслажденій и наиболѣе мукъ, соединенныхъ съ творчествомъ. Этому своему дитяти поэтъ заранѣе старался обезпечить благопріятное вступленіе въ свѣтъ и писалъ Крашевскому: «esto ei propitius».

Современники, а вѣроятно и потомство едва ли подтвердятъ мнѣніе поэта о собственномъ его произведеніи. Упомянемъ мимоходомъ, что на тему эту указала Кондратовичу г-жа Паулина Вильконская. Тема заключается въ томъ, что въ 1336 году, то-есть, при концѣ царствованія Гедимина, 4 тысячи литовцевъ, осажденные въ замкѣ Пиленнахъ или Пулленѣ надъ Нѣманомъ или въ Жмуди—словомъ въ мѣстности, которая исторіею не указана съ точностью, и видя невозможность оборонить замокъ, а притомъ не желая попасть въ плѣнъ, умертвили себя взаимно, вмѣстѣ съ вождемъ своимъ, Маргеромъ. Вотъ и все, что извѣстно изъ хроники. Замѣчательно, что остановившись на этомъ сюжетѣ, Кондратовичъ самъ признаетъ его неудобнымъ для поэтической обработки; по его отзыву, изображеніе такого героическаго дѣйствія не подъ силу современному поэту, сюжетъ своимъ фактическимъ величіемъ убьетъ всѣ усилія поэта къ его передачѣ. Крашевскій даетъ такой отзывъ, что подобная легенда сама собою представляетъ нѣчто въ родѣ обломаннаго древняго памятника, которому мѣсто—въ музеѣ; тамъ онъ и дол-

женъ стоять, такимъ какъ есть: неполнымъ, съ отбитыми частями, но неприкосновеннымъ отъ передѣлокъ (56). «Положите—говоритъ онъ—передъ художникомъ, хотъ одинъ трупъ изъ той великой могилы, и все чтò художникомъ сдѣлано обратится въ ничто, станетъ само-трупомъ». Мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Преданіе, о которомъ здѣсь рѣчь вовсе не есть обломокъ мастерской скульптуры; это просто—необтесанный камень, кусокъ гранита, непригодный для скульптурнаго памятника, по самой невозможности справляться съ нимъ рѣзцомъ. Самоубійство — дѣйствіе повторяющееся ежедневно и не доказывающее еще никакого геройства; лишь въ исключительныхъ случаяхъ оно заслуживаетъ чего-либо, кромѣ простаго сожалѣнія. Самоубійство цѣлыхъ массъ не составляетъ спеціальнаго свойства и особаго характера какого-либо народа; оно случалось неразъ, и въ религіозныхъ войнахъ, и въ борьбѣ однѣхъ расъ съ другими, причемъ цѣлью было избѣгнуть или жестокихъ мученій, или позорнаго рабства. Кто же не знаетъ эпизода изъ страшной битвы при Aquae Sextiae (102 г. до Р. Х.), когда легіоны Маріа брали приступомъ таборъ тевтоновъ, а тевтонскія женщины душили своихъ дѣтей и сами убивались, опережая одна другую? Самоубійство массами возможно даже у народовъ наиболѣе дикихъ, въ битвахъ между каннибалами, въ эпохахъ почти до — историческихъ. Чтобы занять искусство, недостаточно одного кровопролитія, одного ужаса развязки, необходимо еще показаніе силы и высоты самаго чувства, которое вызвало такое отчаяніе, необходимо, стало быть, пониманіе какъ велика была потеря для той толпы, которая послѣ нея не хотѣла жить. Подобный финаль получаетъ потрясающее значеніе, если въ немъ выражается гибель цѣлаго народа, паденіе великой цивилизаціи. Когда на второмъ планѣ мы видимъ великія историческія событія, то и дѣйствующія отдѣльныя фигуры, поставленныя впереди, вырастаютъ передъ нами. Мы иными глазами смотримъ на побивающую самое себя толпу какого нибудь

неизвѣстнаго намъ племени и иными—на первосвященника, держащаго въ рукѣ жертвенный ножъ—на Каульбаховскомъ фрескѣ «Разрушеніе Іерусалима», или на самоубійство жены Газдрубала, которая, послѣ шестидневнаго штурма Кароагена, бросается съ дѣтьми въ пламя въ храмъ Эскулапа.

Между тѣмъ, дѣло представляется такъ, что ни 1336 годъ не составлялъ никакого историческаго перелома, ни потерянная въ памяти крѣпость Пулленъ не можетъ чѣмъ-либо дѣйствовать на воображеніе, ни сама древняя языческая Литва, со своими богами, не въ состояніи нынѣ растрогать никого, хотя бы даже прямыхъ своихъ по плоти потомковъ. У насъ и ключа нѣтъ къ той угасшей вѣрѣ, навсегда погребенной и, если можно такъ выразиться, запечатанной такимъ образомъ, что и археологіи навѣрное никогда не удастся открыть ея тайну. Но еслибы даже такой ключъ и оказался у насъ въ рукахъ, то всетаки весьма сомнительно, чтобы намъ могла внушить что-либо религія дикая и жестокая, которая еще въ XIV вѣкѣ требовала человѣческихъ жертвоприношеній—обычай, по мнѣнію новѣйшихъ археологовъ и изслѣдователей доисторическаго быта, находившійся въ связи съ распространеннымъ нѣкогда повсемѣстно употребленіемъ человѣческаго мяса въ пищу. Поклоненіе огню и животнымъ, кудесничество и пророчество, закланіе людей въ жертву, пьянство и хищничество, при бѣдности храброй Литвы, ходившей въ лаптяхъ, все это—черты отрицательныя, вредящія красотѣ картины. Конечно, историческій поэтъ, соблюдающій правду, обязанъ упомянуть о нихъ, но не можетъ изъ самаго этого быта дѣлать главное содержаніе героическаго разсказа, потому что иначе возбудилъ бы отвращеніе, вмѣсто удивленія и сочувствія къ тѣмъ лицамъ, которыхъ онъ взялся представить въ очищенномъ и возвышенномъ видѣ.

Вѣдь и у Мицкевича въ «Гражинѣ» намѣчены, гдѣ-то вдали, контуры капища, посвященнаго богу—громо-

вержцу: «гдѣ ежедневно на святыхъ кострахъ дымится кровь воловъ, коней, овецъ серебрярунныхъ». Въ той-же «Гражинѣ» изображенъ конный нѣмецкій плѣнникъ, стоящій на кострѣ, трижды объятый цѣпью и прикованный къ желѣзному крюку. Но у Мицкевича такія черты составляютъ только неважныя частности, содержание же представляется мужественнымъ подвигомъ, литовки, которая, подъ вліяніемъ вѣрно—понятой любви къ своей странѣ, разрываетъ приготовленныя ея мужемъ, пагубныя для Литвы, связи съ нѣмцами. Большое историческое значеніе Литва приобрѣла не потому, что держалась своихъ восточныхъ боговъ, но наоборотъ, потому, что сѣумѣла отречься отъ нихъ и приняла вѣру своихъ враговъ, которой и сдѣлалась, затѣмъ, сама самымъ вѣрнымъ и ревностнымъ апостоломъ. А въ XIV вѣкѣ, она то именно уже сильно была проникнута христіанскимъ элементомъ; князей соединяли съ христіанами многообразныя отношенія и вѣра простаго народа уже не была ихъ вѣрою, да наконецъ, и въ дѣйствіяхъ ихъ на первомъ мѣстѣ стояли вовсе не интересы идолопоклонства, а интересы политическіе. Мицкевичъ превосходно понялъ тогдашнія условія въ «Валленродѣ». Тамъ Вальтеръ Альфъ, уже христіанинъ, обращаетъ Альдону, которая и живетъ затворницей въ орденскомъ городѣ: ни у нея, ни у Валленрода въ мысляхъ не осталось уже никакого слѣда язычества.

Совсѣмъ иначе обработалъ ту же тему Кондратовичъ. Въ сказаніе хроники о замкѣ Пулленъ онъ ввелъ всю литовскую мифологію и изъ человѣческихъ жертвоприношеній сдѣлалъ главную ось, около которой обращаются событія разсказа. Маргеръ только тѣмъ спасаетъ плѣннаго Рансдорфа, что предназначаетъ его къ сожженію въ честь боговъ; боги непременно требуютъ этой жертвы; а когда дочь Маргера — Эгле спасаетъ Рансдорфа и убѣгаетъ съ нимъ, то храбрая Литва, вмѣстѣ съ вождемъ, и перебиваетъ сама себя, среди пожара замка. Но если, такимъ образомъ, литовское войско по-

гибло отъ того только, что не были сожжены Рансдорфъ и Эгле, которыхъ боги требовали себѣ въ жертвенную пищу, то отсюда пришлось бы предположить, что вслучаѣ, еслибы то жертвоприношеніе совершилось, Маргеръ съ своимъ войскомъ не погибли бы и храбрая Литва восторжествовала бы надъ крестомъ. Странное сведеніе великаго вопроса борьбы двухъ племенъ — на вопросъ объ апетитѣ боговъ... Для довершенія непріятнаго, неэстетическаго впечатлѣнія, появляется богъ ада Поклюсъ, въ видѣ страшилища, похожаго на тѣ, какія показываются въ «вертепѣ» колядующими на Рождество мальчуганами: «нагое чудище, костистое, обросшее по тѣлу волосами, съ большою бородой и пламенемъ летящимъ изъ очей». Литовцы всѣ поверглись ницъ передъ этимъ явленіемъ, одинъ только Маргеръ выдержалъ взглядъ чудовища.

Правда, Кондратовичъ, въ предисловіи, ссылается на примѣръ Virgilia, въ оправданіе появленія такого «*deus ex machina*». Но извиненіе это неудовлетворительно. Не говоря уже о различіи вѣковъ, о томъ, что въ наше время чудесность производитъ иное впечатлѣніе, чѣмъ въ ту эпоху, въ которой жилъ любимецъ Августа,—есть огромная разница между самыми предметами, какіе избраны однимъ поэтомъ и другимъ. Virgilius воспроизводилъ, положимъ, самъ не вѣруя въ то, живое народное преданіе, самое патріотическое преданіе, какое имѣлъ Римъ—объ основаніи великаго города; значитъ, римскій поэтъ вводилъ такую чудесность, вѣра въ которую составляла въ его время едва-ли не гражданскій долгъ. Между тѣмъ, нашъ поэтъ сочинялъ чудесность вовсе не существующую въ понятіяхъ его читателей, и склеивалъ изъ бумаги, на проволокахъ, такое страшилище, которое никакой иллюзіи производитъ въ читателяхъ не могло, а должно было вызывать лишь комическое впечатлѣніе. При такой полной неудачности миѳологической стороны поэмы, произведеніе это могло-бы все-таки держаться на возвышенныхъ характерахъ дѣйствующихъ лицъ,

могло сильно дѣйствовать той жизненной силой, которую авторъ вдохнулъ бы въ нихъ изъ собственной души. Но Кондратовичъ, какъ извѣстно, не принадлежалъ къ сонму великихъ духовъ и не владѣлъ способностью творить великіе характеры; онъ просто шелъ въ этой поэмѣ по пути, проложенному Мицкевичемъ, но непосильномъ для его послѣдователя, подражалъ великану, съ которымъ невозможно никакое сравненіе и самое сосѣдство для поэтовъ меньшихъ.

Какъ Словацкій въ «Балладинѣ» не могъ освободиться отъ помысловъ Шекспира, такъ передъ Кондратовичемъ въ «Маргерѣ» безпрестанно появляются обороты и образы созданные Мицкевичемъ. Въ подтвержденіе приведемъ примѣры. Два стиха въ «Маргерѣ» (II 31): «поперемѣнно на тебѣ печать—то ангеловъ Господнихъ, то дьяволовъ» напеминаютъ два стиха въ «Дѣдахъ» (VI): «какъ ждуть стихіи грома, такъ твоей мысли ожидаютъ ангелы—и сатана». Сопоставимъ далѣе: стихъ въ «Маргерѣ» (II 66—67) «во имя ада или неба, я иду въ походъ» и два стиха въ «Дѣдахъ»: «взнесусь ли въ облака, иль въ пропасти исчезну?... Слетишь ли въ адъ, иль на небѣ засвѣтишь». Стихи въ Маргерѣ (II 85): «они уже дошли до половины валовъ и головы ихъ выше линіи огня» похожи на стихи въ «Редутѣ Ордона», которыхъ приводить не будемъ. Начало IV пѣсни въ Маргерѣ, гдѣ сдѣлано сравненіе черной рыцарской рати, идущей съ Балтики на Литву—съ черной тучей, идущей съ моря, представляетъ прямое позаимствованіе изъ пѣсни вайделота въ «Валленродѣ». Конецъ Маргера: «хочешь знать правду—спроси лѣтописцевъ, а остальное мысль твоя и сердце доскажутъ» похожъ на послѣдніе стихи «Валленрода»: такъ и пѣсня моя; ту пѣсню объ Альдонѣ, Пусть ангелъ музыки по небу разнесетъ А нѣжный слушатель въ душѣ пусть допоетъ.

Дѣйствующія лица въ «Маргерѣ», несмотря на заимствованную высоту сравненій и стиля, всѣ безъ изъятія, находятся на уровнѣ весьма обыденномъ и отличаются

только приторностью и неестественностью. И такъ, самъ Вернеръ Рансдорфъ—самый обыкновенный типъ молодого, исправнаго офицера во всѣхъ бывшихъ и будущихъ полкахъ—недалеко ушедшій отъ Феба Шатопера въ «Соборъ парижской Богоматери» Гюгò. Это образчикъ простой животной натуры, здороваго тѣла и горячей крови. Находясь съ дѣтства въ лагеряхъ, Рансдорфъ привыкъ къ кутежамъ, привязался къ вину и къ маріенбургскимъ кокоткамъ. Почти чудомъ избѣгнувъ смерти въ битвѣ, Рансдорфъ въ плѣну, въ пулленскомъ замкѣ, ухаживаетъ за дочерью Маргера Эгле, которая, хотя ходитъ не въ шелкахъ, а въ простой холщевой одеждѣ, съ коралловымъ ожерельемъ, но зато какъ Горгона, оплетается вѣнцами изъ вьющихся, прирученныхъ змѣй. Увидѣвъ ее, рыцарь обращается къ ней съ комплиментами, которыхъ не постыдился бы классикъ XVIII вѣка: «о слѣпые литовцы, не змѣй здѣсь богъ, она по праву здѣсь богиня (II 30)». Затѣмъ, онъ начинаетъ философствовать, какъ пантеистъ и метафизикъ нѣмецкій: «красота, это—слово великое, сила немалая; самъ Богъ есть красота, въ ней чудеса его. Красуется небо предъ нимъ, люди взираютъ къ нему на колѣняхъ, а чудовищный адъ падаетъ ницъ, разсыпается въ прахъ». Чтобы спасти Рансдорфа, осужденнаго на сожженіе, Эгле, вмѣстѣ со старымъ воиномъ Лютасомъ, проводятъ его чрезъ подземельный ходъ и выпускаютъ на свободу, связавъ его только обѣщаніемъ, что онъ не откроетъ своимъ тайну подземнаго хода И вотъ, Рансдорфъ поступаетъ съ точной добросовѣстностью, то есть намѣренъ исполнить буквально то чтó обѣщаль, ни болѣе, ни менѣе. Онъ снова находится въ войскѣ, идущемъ на Литву, онъ осаждаетъ самый замокъ Пулленъ, но тайнымъ проходомъ онъ воспользоваться не намѣренъ. Онъ даже великодушно собирается не убивать безоружныхъ и безъ нужды не жечь хатъ литовскихъ (III 70); остается только сказать ему и за это спасибо. Но уже, стоя подъ замкомъ, Рансдорфъ узнаетъ, довольно страннымъ образомъ, что Эгле имѣетъ быть казнена зато, что

облегчила ему побѣгъ. Тогда любовь, благодарность и желаніе спасти возлюбленную берутъ въ немъ верхъ надъ вѣрностью данному слову: онъ проникаетъ съ отрядомъ стрѣльцовъ чрезъ подземелье и уводитъ Эгле. Обѣщаніе свое онъ нарушилъ, но совершилъ это при такихъ смягчающихъ обстоятельствахъ, что присяжные, вѣроятно, бы его оправдали. Рассказъ представляется въ видѣ ловкой адвокатской защиты, послѣ которой, однако, оправданный обыкновенно выходитъ изъ суда лишенный уже всякаго престижа, низведенный на уровень существа самого зауряднаго.

Что касается дочери Маргера, этой литовской Ифигеніи, то она, какъ всѣ женщины у Кондратовича, очерчена слишкомъ туманно и блѣдно, но если къ ней присмотрѣться ближе, то она окажется обыкновенной романтической барышней нашихъ, а вовсе не литовскихъ временъ. Литвинка, положимъ, могла влюбиться въ раненаго и несчастнаго рыцаря; но влюбившись, она бы забыла обо всемъ остальномъ, не дѣлила бы сердца между Рансдорфомъ и разными соображеніями и идеями высшаго порядка, потому что всѣ соображенія и узы такого рода суть продуктъ цивилизаціи, усваиваются только путемъ старательной дрессировки человѣка съ дѣтства, пріученія его къ разбору смысла его дѣйствій, такъ, чтобы онъ не дѣлалъ ничего необдуманъ и во всемъ сохранялъ извѣстную мѣру. Влюбленная литвинка того времени, узнавъ, что ея боги требуютъ смерти Рансдорфа должна была возненавидѣть боговъ: «жрецы и вѣщуны, и сами боги, хулу я шлю и добротѣ, и силѣ вашей (II 42)». Единственнымъ средствомъ спасенія отъ этихъ боговъ и соединенной съ ними Литвы, было бы однако для нея принятіе вѣры Рансдорфа и побѣгъ съ нимъ чрезъ подземелье, послѣ чего, подъ вліяніемъ разницы въ воспитаніи между влюбленными, Рансдорфъ, рано или поздно, оттолкнулъ бы эту женщину, принесшую ему въ жертву свой долгъ, а она или зачахла бы съ тоски по родинѣ, или, пожалуй, совершила бы убій-

ство изъ ревности... Но во всякомъ случаѣ, судьба ея не имѣла бы уже ничего общаго съ судьбой крѣпости Пулленъ и самого Маргера.

Между тѣмъ, подъ перомъ Кондратовича, развязка выходитъ совсѣмъ иная, и такая притомъ, что, теряя все обаяніе дико растущаго цвѣтка, лѣснаго ландыша, босая княжна Эгле превращается въ утонченную, сентенціональную даму, которая въ отношеніи анализа своихъ чувствъ въ состояніи преподать не одинъ урокъ самому рыцарю Рансдорфу. Она и взглянуть умѣетъ такъ свысока и по аристократски, что смѣльчака можетъ тотчасъ осадить: «Но дочь Маргера, какъ острой стрѣлой, пригвоздила его своимъ взглядомъ (II 39)». Однако, вырвавъ Рансдорфа у своихъ боговъ, она сама остается на мѣстѣ, при богахъ и отцѣ, такъ какъ мысль и виды ея заходятъ далѣе умственного горизонта обыкновенной женщины: быть можетъ этотъ нѣмецъ когда нибудь станетъ орудіемъ примиренія между орденомъ и Литвой, «угаситъ ненависть, что оба пятнаетъ народа и примиритъ боговъ своей земли съ литовскими богами». Затѣмъ, послѣ бѣгства Рансдорфа, Эгле, осужденная сдѣлаться добычею боговъ и заключенная въ подземной темницѣ, не перестаетъ заниматься политикой и поочередно примѣряетъ къ себѣ, какъ платья, двѣ борющіяся вѣры: «несчастливая дѣвушка то молится, то прокликаетъ, то крестикъ, данный ей, къ устамъ прижметъ, то съ груди его срываетъ (II 85)» то отъ боговъ жестокихъ отвращаетъ взоръ, такъ какъ въ вѣнкѣ своемъ терновомъ Богъ чужой ей милосердно смотритъ въ очи». Она уже готова бѣжать къ нѣмцамъ, подъ власть Христа, но тотчасъ сознаетъ себя преступницей: «О святые боги, я отступаю когда Поклюсь требуетъ жертвы для спасенія Литвы... Рансдорфъ ей врагъ, пускай погибнетъ онъ... О нѣтъ, пусть лучше гибнетъ Эгле, гибнетъ и сама Литва»... Эта нерѣшительность, эти переходы изъ одной крайности въ другую оканчиваются чѣмъ-то въ родѣ гаданья или вытягиванія узелковъ: «спасите вы его, о боги, родные или

чужіе, которые могущественнѣе, тѣ его спасите; тѣхъ проклянѹ, что жалости не знаютъ, того признаю, который возвратитъ мнѣ счастье».

Однако, когда возлюбленный и безъ помощи боговъ исполнилъ желаніе Эгле, ворвался сквозь подземелье, чтобы спасти ее, когда вокругъ горятъ замокъ и стропила надъ ея головой, героинею овладѣвають нерѣшительность и сознаніе долга—погибнуть вмѣстѣ со своими. Притомъ, все это выражается не въ формѣ первобытнаго чувства, но въ видѣ искусственнаго резонерства. Хотя она уже присягала, что покинетъ своихъ боговъ и склонится сердцемъ къ христіанству, Эгле въ эти минуты, объявляетъ, что хочетъ сгорѣть на одномъ кострѣ съ идолами, обращая къ любимому человѣку еще такую загадку: «и не узнаешь никогда, кому я и о чемъ—последнюю пошлю молитву (II. 108)». Моментъ неудобенъ для разгадыванія, такъ какъ подземелье, въ которомъ брусья занялись огнемъ, угрожаетъ обваломъ, а потому стрѣлки схватываютъ Эгле, выносятъ ее въ обморокъ и кладутъ въ лодку, гдѣ ее поражаетъ стрѣла, пущенная ея отцемъ, заканчивая ея жизнь и колебанія.

Какъ непомѣрное развитіе рефлексивности сдѣлало характеръ Эгле неестественнымъ, обратило его въ какой-то маятникъ, пассивно качающійся въ бездѣйственномъ пространствѣ, такъ другая, допущенная авторомъ невѣрность испортила фигуры, въ которыхъ онъ хотѣлъ изобразить давнихъ литовцевъ. Будучи самъ человѣкомъ мягкимъ и добродушнымъ, Кондратовичъ, должно быть, по себѣ составилъ себѣ понятіе не только о нынѣшнихъ, но и о тогдашнихъ литвинахъ, вообразилъ себѣ, что основной чертой ихъ характера и въ то время была безконечная податливость и расплывчатость, при обращеніи къ нимъ во имя чувства: «кровавая сѣча сегодня и пиръ для мечей и обуховъ. А завтра тотъ же литовецъ сердцемъ готовъ подѣлиться, и, при чаркѣ алусу, своихъ палачей обнимаетъ, имъ же пролитая кровь въ немъ слезу вызываетъ (II. 15)». Тѣмъ болѣе, если врагъ

заговорить съ нимъ по-литовски: «велико обаянне словъ родныхъ; ими насъ врагъ всегда обезоружить, если съ ними къ намъ онъ обратится; въ насъ ярости огонь родные звуки гасятъ, и хорошо, что врагъ того не знаетъ чуда». Между тѣмъ, изъ всѣхъ областныхъ нравственныхъ особенностей въ прежнемъ польскомъ государствѣ, преданіе наиболѣе опредѣленно признавало именно за литовскимъ племенемъ—твердый закалъ характера, съ сопровождающими это свойство недостатками: злопамятствомъ и мстительностью («завзятый» литвинъ). Нынѣ смягчились нравы и прежнія свойства стушевались, но нѣсколько вѣковъ тому назадъ, они должны были выступать очень рельефно. Нельзя не видѣть, по меньшей мѣрѣ, анахронизма въ такихъ представителяхъ старой Литвы, какъ Маргеръ и Лютасъ; это скорѣе—представители идиллической розмазни, и въ ихъ рукахъ дѣло литовцевъ впередъ проиграно, такъ какъ ни защищать своихъ боговъ, ни оборонять Литву они не могутъ. Старый воинъ Лютасъ впередъ убѣжденъ въ побѣдѣ нѣмцевъ: «въ дни будущіе, лучшіе для міра, побрататься оба народа могутъ, когда у нѣмцевъ и у насъ единый будетъ Богъ (замѣтимъ отъ себя, что не побратались они и доселѣ, несмотря на единство Бога)». Руководимый чувствомъ весьма рыцарскимъ, но относясь къ дѣлу своего народа какъ къ какой нибудь игрѣ, Лютасъ помогаетъ Рансдорфу бѣжать для того только, чтобы тотъ пришелъ опять съ нѣмцами жечь литовскія хаты, и чтобы литовцы одолѣли его въ бою, что послужитъ къ ихъ славѣ (II 44). Но если ужъ Лютасъ выпустилъ Рансдорфа, чтобы доставить себѣ удовольствіе помѣряться съ нимъ въ равномъ бою, то какое же право тотъ же Лютасъ имѣетъ обвинять своего врага въ вѣроломствѣ за то, что тотъ опять пришелъ съ нѣмцами (II. 96); какое право проклинать его во имя боговъ Литвы и даже во имя Христа: «брось молніей въ него съ креста, тебя язычникъ молить».

Случилось то, чего желалъ самъ Лютасъ, но иначе,

такъ какъ нѣмцы опять пришли, только пришли они съ бѣльшей силой и самого Лютаса, который раненъ, взяли въ плѣнъ. Затѣмъ, совершается еще вещь, которую можно приписать лишь замѣчательной глупости этого старика, или лихорадочному бреду его: всѣ мысли Лютаса въ плѣну сосредоточились на опасеніи, какъ бы Рансдорфъ не выдалъ тайны подземнаго хода въ крѣпость, а между тѣмъ тотъ же Лютасъ спѣшитъ рассказать рыцарю о плачевной участи, ожидающей Эгле, то есть самъ ставить его въ неодолимое искушеніе, почти заставляетъ его нарушить тайну и спасти дѣвушку, которой изъ-за него грозитъ смерть. Но Лютасъ не только погубилъ Эгле, оказавъ ей содѣйствіе въ устройствѣ бѣгства Рансдорфа; онъ губитъ затѣмъ и замокъ Пулленъ, и Маргера, и Литву. Самъ Маргеръ крайне непослѣдователенъ. Авторъ, правда, говоритъ: «въ немъ живетъ одна только ненависть къ нѣмцамъ, столь страшная, какъ будто бы всѣ змѣи влили свой ядъ въ его пламенное сердце (II. 12)». А все-таки, герой этотъ только рычитъ, но не кусаетъ: онъ обманываетъ народъ, показывая видъ, будто охраняетъ Рансдорфа только съ цѣлью смечь его на кострѣ. Мало того, литовскій вождь сажаетъ врага къ своему столу «какъ гостя издали прибывшаго въ нашъ край». Утонченное рыцарство проявляетъ Маргеръ восклицая: «стой! надъ безоружнымъ люто-сть не похвальна (15)», а затѣмъ—запрещая пускать стрѣлы въ нѣмцевъ, пока они не окончили молитвы: «мы не воюемъ съ ихъ Богомъ, какъ они съ нашими; они теперь не ожидаютъ нападенія, ударить на нихъ неожиданно было бы вѣроломствомъ (84)».

Въ результатѣ такихъ вѣжливостей Рансдорфъ, на глазахъ отца, похищаетъ дочь. Тогда Маргеръ пускаетъ двѣ стрѣлы въ дочь-измѣнницу, «вражью гадину», но дѣлаетъ это не изъ патріотизма, который уже не имѣетъ цѣли, когда все пропало, а просто изъ злости. А такъ какъ злоба—чувство некрасивое, то авторъ внушаетъ литовскому вождю того времени чувства и мысли, достойныя

развѣ того позднѣйшаго вождя, который утонулъ въ Эльстерѣ (маршала Г. Понятовскаго): «повѣдай небесамъ въ день воздаянья, что честь твою я спасъ и при тебѣ я палъ! Не опозоренной погибла ты—несчастной (113)». Боги, жаждущіе крови, и послѣдователи ихъ, философствующіе, что современемъ у всѣхъ людей будетъ единый Богъ и новѣйшая религія «чести (point d'honneur)», разные вѣка, перемѣшанные и стопленные въ безформенной амальгамѣ— вотъ и весь Маргеровскій эпосъ. Самъ же Кондратовичъ въ предисловіи къ этой поэмѣ, говоритъ: «не имѣя надежды очертить вѣрно литовцевъ (давнихъ), я изображалъ людей вообще». Но люди носятъ печать своего вѣка, а у Кондратовича являются люди, принадлежащіе одновременно къ разнымъ вѣкамъ, а потому неестественные и не живые.

Холодность, съ какой «Маргеръ» былъ встрѣченъ публикой не вразумила автора, что избранный путь не соотвѣтствовалъ его таланту. Онъ продолжалъ, съ усиліемъ, писать въ тонѣ высоко-героическомъ рассказы, діалоги и цѣлыя трагедіи, все — вещи, столь приторно-скучныя и представляющія столь малую цѣнность, что достаточно кратко упомянуть о нихъ. Нельзя не пожалѣть о такой потерѣ труда и такомъ насиліи надъ талантомъ.

VI.

Когда въ поэтѣ, берущемся за большую историческую тему, мыслитель не стоитъ на одномъ уровнѣ съ художникомъ, что можетъ зависѣть и отъ недостатка образованія, то, несомнѣнно, произведеніе выйдетъ слабымъ, напоминающимъ ученическія «сочиненія». Правда, историческая тема завлекательна, но обработка ея особенно трудна. Ктожъ изъ насъ въ дѣтствѣ не рвался къ тѣмъ великимъ сюжетамъ, какими на школьной скамьѣ насъ увлекаетъ исторія? Кто не умиралъ съ Лео-

нидомъ въ Оермопилахъ, не боролся при Мирабонѣ и Саламинѣ, или не приносилъ себя въ жертву съ Винкельридомъ? Всемирная исторія, какъ она излагается въ школахъ, содержитъ въ себѣ множество такихъ, освященныхъ преданіемъ общихъ мѣстъ. Не всякъ пріобрѣтаетъ такое знаніе, чтобы снять съ событія, обросшую его легенду и поставить передъ собой простой и нагой фактъ, который въ этомъ видѣ можетъ представиться болѣе возвышеннымъ и дѣйствовать сильнѣе, чѣмъ самая легенда. Кому это недоступно, тому остается только, при созерцаніи событія, перенестись воображеніемъ въ легенду, влѣзть въ кожу традиціоннаго героя, уже испорченнаго преданіями, и сыграть его роль, то есть представить себѣ тѣ мысли и чувства, какія вѣроятно прошли чрезъ душу героя въ данныхъ обстоятельствахъ.

Но если поэтъ разрѣшаетъ свою задачу этимъ послѣднимъ, болѣе обыкновеннымъ пріемомъ, то онъ долженъ быть Байрономъ или Альфіери, чтобы увлечь читателя, чтобы расшевелить въ немъ страсть, изображая, какъ то дѣлалъ Байронъ, отчаяніе, убожество, страданіе современнаго человѣка — подъ трагическою маскою Сарданапала или Марино Фальеро, или же, какъ дѣлаетъ Альфіери — возбуждая современника примѣрами изъ прошлаго, къ дѣйствіямъ политическаго свойства. Кондратовичъ не могъ равняться съ этими великими поэтами, но сверхъ того, онъ вовсе и не болѣлъ скорбью вѣка, а отъ политики держался всегда въ сторонѣ. Онъ просто избиралъ ту или другую легенду, вырисовывалъ ее и клалъ на нее краски. Идея, одушевляющая поэму у него, обыкновенно — патріотизмъ, но не воспламеняющійся, не выбрасывающій искры вдохновенія, а какой-то неяркій, какъ-бы пепельно-сѣраго цвѣта. Геройство, возбужденное патріотизмомъ, то въ мужчинѣ, то въ женщинѣ — вотъ обыкновенная его задача, и на каждый полъ приходится по нѣсколько экземпляровъ.

Самопожертвованіе женщины изъ патріотизма изображено Кондратовичемъ, во-первыхъ, на тему Ядвиги, от-

дающей свою руку Ягеллѣ, несмотря на свою любовь къ другому человѣку. Эта же тема обработана въ разсказѣ «Дочь Пястовъ (1858 г. II. 198)», въ которомъ опять являются литовцы, сотворенные по образу и подобию самого автора, или склеенные изъ шерсти и воска: «бродатые, дикіе, въ шкурахъ медвѣжьихъ»... «какъ дѣти — мягкіе душой въ родимой хатѣ». Здѣсь Ганна, сестра князя Конрада Мазовецкаго, идетъ замужъ за литовскаго князя Тройдена — что прообразуетъ будущее соединеніе двухъ народовъ. Таже мысль, но уже въ самомъ неудачномъ видѣ составляетъ основу драмы «Вельможи и сирота (1858 г.)». Магнатскіе дома Ходкевичей и Радзивилловъ, ведя распрю изъ-за руки и наслѣдія послѣдней княжны Слуцкой, изъ рода Олельковичей, собрали войска въ своихъ палацахъ, доселѣ стоящихъ въ Вильнѣ, и вступили въ бой на улицѣ, который однако тотчасъ кончился соглашеніемъ, безъ всякаго спроса самой княжны и ея склонности. Изъ этого историческаго факта, въ которомъ Янъ-Карлъ Ходкевичъ сыгралъ вовсе не лестную роль, Сырокомля вывелъ романъ между Ходкевичемъ и княжною Слуцкой. Ходкевичъ у него дерется на поединкѣ возлѣ своего дома ¹⁾ съ Янушемъ Радзивилломъ; для эффекта, на сценѣ изъ дома Ходкевичей стрѣляютъ пушки, и въ Вильнѣ происходитъ пожаръ; наконецъ княжна приноситъ себя въ жертву, оставляетъ Ходкевича и отдаетъ руку Радзивиллу, со словами, которыя для насъ звучатъ ироніею: «если вы братскую кровь съ рукъ вашихъ смыли». Въ дѣйствительности, Радзивиллу потому только и достаются княжна съ ея владѣніями — Слуцкомъ и Копылемъ, что онъ безъ всякаго колебанія умылъ свои руки именно въ братской крови, то-есть онъ получаетъ награду за ту смуту, которая въ Литвѣ послужила прологомъ къ цѣлому ряду междоусобицъ.

¹⁾ Нынѣ — зданіе учебнаго округа.

Мужское геройство Сырокомля изображаетъ въ пожертвованіи родинѣ—жизни, свободы и дѣтей. Маргеръ убиваетъ дочь, чтобы спасти честь Литвы; за нимъ идетъ Касперъ Карлинскій (1857 г.), стрѣляющій въ сына, котораго поставили впереди своихъ рядовъ непріатели. Далѣе, въ «Приговорѣ Яна-Казимира (1859 г.)», дворянинъ Гноинскій геройствомъ превосходитъ Брута. Онъ не только самъ пронзаетъ сына за измѣну и шпіонство въ пользу шведовъ, но когда сынъ остался живъ, отецъ такъ говоритъ королю: «я поражу его еще разъ и вѣрнѣе, потомъ убью себя; и не прощу, какъ право не прощаетъ; но не казни его, король, позорной казнью (V. 268)». Этотъ твердый закалъ души оказывается, однако, фальшивымъ. Довольно было нѣсколькихъ словъ короля, обѣщанія его, что веревка и лишеніе чести будутъ замѣнены простымъ изгнаніемъ — и Брутъ уже забылъ, что «не въ приговорѣ стыдъ, а въ дѣйствиіи самомъ», уже растаялъ какъ воскъ и примирился не только съ судьбой, но и съ сыномъ-выродкомъ: «хвала тебѣ, святое провидѣнье! Ужь не убійца я, и домъ мой безъ пятна (?). И мое имя сохранить свой блескъ на всю Литву мою, на всю Корону!»

Тотъ же бессознательный переходъ отъ идеальнаго къ преувеличенному и смѣшному, какой мы уже видѣли въ исторіи Ходкевичей и Радзивилловъ, замѣчается и въ «Стардстѣ Копаницкомъ (1857 г.)». Этотъ стардста, приверженецъ Станислава Лещинскаго, посаженъ въ тюрьму въ Зонненбургѣ, за то, что не хотѣлъ признать королемъ Августа III и продолжалъ бить саксонцевъ. Изъ самого же разсказа видно, что Августъ III—не Тиверій и не Неронъ: узникъ сидитъ въ той же камерѣ, гдѣ были прежде заключены Собѣскіе, ему разрѣшены вино и компанія и отъ него домогаются только, чтобы онъ присягнулъ королю, который уже признанъ всей страной; наконецъ король и такъ, безъ этого, отпускаетъ его на свободу. Стало быть, все геройство стардста проявляетъ лишь тѣмъ, что и сидя въ заключеніи, онъ еще ведетъ

формальный процесс о нарушении свободы выборов и о незаконности своего заключенія, ссылаясь на установленное для королей въ законѣ правило: *neminem captivabimus* (лишеніе свободы принадлежитъ судебной власти). «Его не избралъ я, не присягну ему (III. 285)»; «я убѣжденіе одно уже избралъ и присягнуть другому не могу (229)». «Крѣпка моя присяга до тѣхъ поръ, передъ страной, предъ королемъ и Богомъ, пока не разошлетъ универсаловъ примасъ, дворянъ не созоветъ на выборное поле, пока свободные уста не возгласятъ, что Августъ—нашъ король».

Въ этомъ непреклонномъ защитникѣ золотой вольности, Кондратовичъ видѣлъ «великаго человѣка (186)» и говорилъ, что это—тотъ же Касперъ Карлинскій, но только—въ нравахъ иной эпохи («предисловіе»). Трудно признать это тожество, но можно сказать, что въ убѣжденіяхъ копаницкаго старосты Понинскаго уже содержится основа будущей тарговицкой конфедераціи, и что если нѣсколько измѣнить черты времени, то изъ Понинскаго выйдетъ Феликсъ Потоцкій, типъ, отъ прославленія котораго Кондратовичъ былъ наиболѣе далекъ. «Староста Копаницкій», яснѣе другихъ произведеній Кондратовича показываетъ, какъ ему неудавалась исторія и до какой степени результаты на этомъ полѣ расходились у него съ намѣреніями. Не будемъ останавливаться на такой слабой вещи, какъ «Смерть Ацерна (1855 г.)», пропустимъ лишенный всякой оригинальности и сентиментальный образъ Сигизмунда-Августа въ «Королевскихъ пѣвцахъ 1856 г.)», а также—выступающія эпизодически, вводныя фигуры: Скарги—въ «Старыхъ Воротахъ» и гетмана Тарновскаго—въ «Гетманскомъ ночлегѣ». Для славы автора не было бы большаго ущерба, еслибы эти произведенія потерялись, хотя по количеству стиховъ и убыла бы въ такомъ случаѣ добрая половина изъ всего что написалъ Кондратовичъ. Привлекательность его не заключается въ томъ, что онъ былъ поэтомъ развалинъ. Тяжкая необходимость заставила всѣхъ поэтовъ

его страны и эпохи—жить среди развалинъ, отдыхать—въ гробахъ, играть черепами и костями, и поступать такъ, какъ «Янко—могильникъ» въ одномъ изъ рассказовъ Сырокомли (III. 72 — 108. Борейковщина. 1856 г.): старый солдатъ, возвратившись въ свою деревню, не находитъ уже ни одной души знакомой, поэтому идетъ на кладбище и тамъ пьетъ въ бесѣдѣ съ умершими братьями; уже окостенѣвшимъ, съ порожней кружкой въ рукѣ, его находятъ на могилѣ. Деревенская толпа, конечно, насмѣялась надъ Янкомъ, какъ надъ безумнымъ.

Такіе «могильники» явились въ польской поэзіи въ немаломъ числѣ, потому именно, что въ извѣстный моментъ установилось общее настроеніе такое, какое соотвѣтствуетъ «задушному дню (le jour des morts)». Кондратовичъ появился случайно въ средѣ этихъ поэтовъ и пѣлъ съ ихъ нотъ, пѣлъ вѣрно и усердно, но порою личный темпераментъ бралъ въ немъ верхъ надъ школою, ея дрессировкой и дисциплиной. Тогда, среди мрачнаго хорала, къ соблазну консерваторовъ, вдругъ раздавалось бойкое и рѣзкое бряцанье колокольчиковъ съ шутовской палки Станчика. Иной же разъ, вырывались изъ сердца поэта неожиданно такія правды, такіе призывы къ дѣйствию, которыхъ не постыдился бы и отрицающій исторію радикаль. Скрытый въ Кондратовичѣ шутникъ нерѣдко непріятно «подводилъ» бывшаго въ немъ же эпика: наконецъ, вмѣщался въ немъ еще и моралистъ который, неизвѣстно какъ просто по инстинкту и отъ доброты душевной—высказывалъ иногда такія заключенія, которыя и не снились историку, стоящему предъ прошлымъ на колѣняхъ. Кондратовичъ самъ не понималъ всего значенія такихъ скачкѣвъ высоко-даровитой его природы—за предѣлъ тезисовъ, поставленныхъ школою, къ которой онъ же принадлежалъ. Онъ не отдавалъ себѣ отчета, какимъ образомъ совмѣщались въ немъ одновременно и тѣ старинныя, историческія понятія, за которыя дворянская среда должна была прославить его своимъ дѣтищемъ, видѣть въ немъ «кость отъ своей кости»,

и горячія пожеланія, свойственныя тѣмъ людямъ, отъ которыхъ поэтъ держался въ сторонѣ, такъ какъ они, по его мнѣнію, «плюютъ на вѣру, на преданье, на все то, что дорого и свято (Крашевскій, стр. 42)». А между тѣмъ, такое совмѣщеніе въ немъ было и мы постараемся объяснить, какъ въ Кондратовичѣ согласовались традиція съ прогрессомъ и «охранительность» въ идеяхъ— съ радикализмомъ на дѣлѣ.

VII.

Родившись бѣднымъ шляхтичемъ, поэтъ нашъ воспитался въ условіяхъ постоянной неувѣренности о завтрашнемъ днѣ, заботы о насущномъ хлѣбѣ и непрерывной тяжелой работы. Но родовое вліяніе на немъ всетаки было: изъ него онъ вынесъ отвлеченное понятіе о дворянскомъ равенствѣ и склонную къ подозрительности гордость, заставлявшую его избѣгать всякаго вида зависимости отъ большихъ господъ. Если не себя, то это свое чувство Кондратовичъ олицетворилъ въ Старомъ Бардишѣ, въ рассказѣ «Трензельное (На поводъ)», написанномъ «для шляхетскаго назиданія» (Борейковщина. 1855 II. 28): «Мнѣ-то что? Плачу я чинши: милостей не жду... Кто живетъ подачкой панской, пусть живетъ здоровъ. Съ кастелланомъ — шутка шуткой: вещь одна мой песь, вещь иная—конь. Я собаку далъ на—память, а платить не смѣй! Вотъ теперь хорошій выстрѣлъ счетъ и поровнялъ... Славно спать на конской шкурѣ—шкуру я возьму. Но барышъ — избави Боже! Дорогъ былъ бы конь».

Богатымъ поэтъ не завидовалъ, самъ о богатствѣ не мечталъ; онъ просто имѣлъ горячее сочувствіе къ всему слабѣйшему, нисшему, словомъ къ той массѣ, надъ которой господствуютъ соединенные элементы рода, денегъ и ума. Такое, чисто—демократическое чувство онъ открыто высказывалъ при каждомъ удобномъ случаѣ,

нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что оно не нравится. Въ отношеніи къ вельможнымъ господамъ, стихъ Сырокомли загорался, отдавалъ желчью и иногда даже переходилъ въ ѣдкую сатиру. Это былъ, можно сказать, единственный предметъ, въ отношеніи къ которому Кондратовичъ отступалъ отъ обычнаго своего сатирическаго добродушія, какъ его онъ выразилъ въ шутливомъ стихотвореніи, обращенномъ къ Крашевскому (VI. 203. Залучье 1848 г.): «ужели-жь стихъ—игра, ребячество и только—долженъ разѣдять намъ внутренность укусомъ и желчью? Я еще почти не пробовалъ такихъ приправъ, но долженъ сказать впередъ, что не люблю ихъ... О еслибъ Іегова въ уста мои вложилъ слова вѣщія, величавыя, тогда я далъ бы побить себя камнями какъ св. Стефанъ. Но нынѣ... Къ чему напрасно лобъ намъ подставлятъ и наводить сонъ на людей, которые дремлютъ и безъ нашихъ пѣсень. Будить же ихъ и возбуждать заботу...? Не стоитъ — пошли имъ Богъ тузовъ побольше въ преферансѣ». Вельможныхъ Сырокомля зналъ только издалека, изъ горькихъ воспоминаній, изъ живаго шляхетскаго преданья: «пока шляхетство трудовое—мои святые предки нужны были магнатамъ тѣмъ, на сеймы и на битвы, они ласкали насъ и вѣжливо поили, и было имя намъ: вы, милостивые братья. Минуло время давнее и нынѣ, средь разныхъ перемѣнъ, паны забыли и любовь и братство. («Подкова» I. 166).

Новыя времена принесли съ собою эксплуатацію, денежное притѣсненіе: «слишкомъ бойко, дружина веселая, ты работала саблей и тянула вино. Въ кубкахъ панскихъ нынѣ муть лишь только осталась, со вкусомъ желчи, для убогихъ братьевъ. А такому бѣда, кто чиншъ не заплатитъ, за луга и за нивы, и за воду, стоящую въ лужѣ; и за кровь надъ главою, и за лучи солнца, и за воздухъ, которымъ мы дышемъ, за цвѣтокъ полевой. оживленный росю. («Кусокъ хлѣба» II. 120)». Кондратовичъ упрекаетъ богатыхъ за ихъ лѣность, излишества и роскошь:

«Часто съ виномъ драгоцѣнный бокалъ,
Сколько онъ стѣбитъ,—своею цѣною
Бѣдныхъ бы хлѣбомъ весь годъ пропиталъ»...

(«Демборогъ» I. 77). «Цѣлые морги пшеницы и ржи
урожай свой сложили на цвѣтокъ, что цвѣтетъ въ во-
лосахъ знатной дамы.

За цѣну одного освѣщенья
Залъ богатыхъ, возможно бы было
Просвѣтить много темныхъ головъ».

(«Годичные дни», V II. 86). Погружаясь въ част-
ности и слишкомъ замыкаясь въ одиночные типы, са-
тира однако переходитъ уже въ карикатуру, въ рису-
нокъ не знающій пропорцій, становится преувеличенной,
слишкомъ яркой и грубой. Такіе примѣры можно ука-
зать у Кондратовича въ томъ воеводѣ троцкомъ, который
велитъ бить нагайкой своего егеря Грицка, за то, что
тотъ вытащилъ его «мужицкою рукой» за чубъ изъ
пруда, и въ томъ графѣ де-Вонторы, у котораго: «еди-
ный хлопъ, но три двора. (Борейковщина. 1856 г. V.
5 — 54)». Эта двуактная пьеса дана была въ Вильнѣ,
но многочисленные тамъ «графы Вонторскіе» сговорились
не быть на представленіи, такъ, что бель-этажъ былъ
пустъ (Крашевскій 116. Письмо къ Хенцинскому). Впро-
чемъ, не изъ за чего было и сердиться, такъ какъ это—не-
винный, хоть нѣсколько пересоленный фарсъ, осмѣиваю-
щій претензіи въ дырявыхъ сапогахъ.

Но настоящимъ любимцемъ Кондратовича, когда онъ
не уходилъ въ старину, въ міръ бумажный, былъ не
панъ и даже не братъ—шляхтичъ, но народъ, то есть,
самый простой людъ безъ различія исповѣданія и пле-
мени, самая младшая братья—крестьянинъ съ которымъ
поэтъ познакомился и побратался съ дѣтства, котораго
любилъ и всегда готовъ былъ защищать. Однимъ изъ
первыхъ опытовъ его пера былъ сельскій рассказъ
«Почтарь (1845 г. Залучье I. 7)». Такъ какъ здѣсь
было нѣсколько чертъ, живо взятыхъ съ природы, нѣ-

сколько бойкихъ переливовъ почтарской трубы, то издатель Т. Глюксбергъ поспѣшилъ извѣститъ въ газетахъ о появленіи въ послѣдней книжкѣ «Athenaeum'a» «прелестнаго стихотворенія». Эта была для поэта первая печатная похвала, которою ему едва ли не пришлось довольствоваться и во всю жизнь. Онъ отмѣтилъ этотъ фактъ въ записной книжкѣ, какъ приведшій его въ восторгъ, заставившій его благодарить Бога, обнять жену и даже плакать, несмотря на сознаніе, что это была похвала издательская (Тышинскій, стр. 170). Отъ этого момента, когда Кондратовичъ еще только расправлялъ свои неувѣренныя крылья и до конца карьеры—сколько онъ нарисовалъ картинокъ съ натуры, сколько типовъ реальныхъ и превосходныхъ въ своей неподкрашенной простотѣ! Корчма и церковныя сѣни, священникъ, органистъ и народъ, собравшійся подъ костеломъ, жидъ—арендаторъ фермы и отставной служивый, похороны и крестины, и всякіе годовичные праздники, дожинки (конецъ жатвы) и починъ—все это поочередно проходитъ передъ глазами читателя, какъ въ волшебномъ фонарѣ. Эти народныя сцены и фигуры представлены на фонѣ болотъ и топей Полѣсья, такъ гармонирующемъ съ покаянiемъ пасѣчника Ходыки или съ кровавымъ концомъ несчастной шляхетской военной попытки въ 1812 году — въ Улясѣ, а иногда сцены разыгрываются и въ болѣе веселыхъ мѣстностяхъ Литвы, поросшихъ сосной, березой, можжевельникомъ, испещренныхъ пескомъ, изрѣзанныхъ живописными холмами.

Только эти-то виды «въ лѣсахъ Палемона», только этихъ неказистыхъ людей, въ волчьихъ шубахъ и лаптяхъ, людей грубоватыхъ и нескладныхъ, но правдивыхъ и умѣлъ рисовать Сырокомля. Какъ только онъ пробовалъ вылетать въ свѣтъ болѣе широкій, за предѣлы этихъ простаковъ и этихъ пейзажей, пробовалъ сдѣлаться польскимъ Чайдъ-Гарольдомъ (1858 и 1859 гг.) и воспѣть свои впечатлѣнія изъ путешествія по отечественнымъ землямъ, — то испыталъ неудачу. На мато-

вомъ стеклѣ той камер-обскуры, при помощи которой онъ работалъ, не выходили тѣ скульптурныя черты, какими Винцентій Поль распоряжался столь свободно, не отражались ясно ни тѣ края и мѣста, освященные исторіею, которые онъ посѣтилъ, ни тѣ историческіе призраки, которые на долгій рядъ вѣковъ къ тѣмъ мѣстамъ приколдованы. Правда, и въ его путевыхъ впечатлѣніяхъ есть много нотъ соловьиныхъ, много остроумныхъ сопоставленій и выходовъ противъ нѣмцевъ, заливающихъ край съ запада, но только нѣтъ того, что могло бы быть схвачено лишь съ высоты орлиного полѣта и притомъ — глазомъ, привычнымъ къ такому собиранію. Возвышенныя сферы вообще не были предназначены для таланта Кондратовича; тѣ предметы и отношенія, которые онъ зналъ хорошо и любилъ, были простые и мѣстные.

Случилось такъ, что сердечныя его симпатіи склонялись въ ту самую сторону, куда несло подземнымъ русломъ теченіе самого вѣка, въ которой представлялась задача того времени. На современникахъ его, людяхъ сороковыхъ годовъ, тяготѣлъ крестьянскій вопросъ, какъ загадка, какъ узелъ, который слѣдовало развязать. Немного возможно было въ то время говорить объ этомъ вопросѣ, еще менѣе—писать. Но не было той юной головы, которая бы не занималась разрѣшеніемъ его, на основаніи историческомъ,—экономическомъ или какомъ-либо иномъ. Экономистомъ Кондратовичъ не былъ, приискивать же доводы—въ теоріи права или заимствовать ихъ путемъ историческимъ — отъ воина, проигравшаго битву при Мацѣйовицахъ (Косцюшки), или отъ какихъ либо мечтателей, занимавшихся судьбою крестьянъ въ прошломъ или настоящемъ столѣтіи — ему не предстояло нужды. Великій вопросъ былъ самымъ кореннымъ образомъ рѣшенъ въ его душѣ, безъ помощи діалектики, — однимъ нравственнымъ чувствомъ. Въ отношеніи къ этому дѣлу, Кондратовичъ уже не считалъ свой стихъ — игрушкой, то есть плодомъ чистаго искусства, какъ въ примѣне-

ни къ инымъ вещамъ; здѣсь онъ чувствовалъ что и какъ поэтъ, онъ имѣеть предъ собой гражданскій долгъ, за который и далъ бы побить себя камнями, какъ св. Стефанъ. Въ первыхъ же своихъ «Поѣздкахъ», Сырокомля пятналъ дворянское право бича; неразъ онъ скорбитъ, что «тамъ князь, здѣсь панъ, а тамъ еще судья граничный, иль депутатъ въ дорожномъ комитетѣ, всякъ на тронѣ своемъ разсѣвшия спѣсиво, ременнымъ скипетромъ творить судъ надъ вассалами (1858 г. Вильно. 126)». Еще въ Залучьи, Кондратовичъ проклиналъ винокурни (VII. 164) и подь самый конецъ своей жизни еще давалъ совѣтъ: «соберитесь хозяева, вы идите толдой—заорать глубоко ту дорогу, что березкой идетъ отъ села—да въ корчму. Забороньте конемъ, вы засыпьте руками. Пусть и слѣдъ и названье той дорожки исчезнуть; а взойдетъ на ней колосъ—станеть легче всѣхъ (VII. 218. 1860 г.)». Наконецъ, еще къ очень ранней порѣ творчества Сырокомли относится и та чудесная сатира, въ формѣ дѣтскаго разсказа «Кукла», такъ непохожая на то, что онъ писалъ обыкновенно, немилосердно бичующая обычаи и сословіе, хотя онъ и не принадлежалъ къ сонму тѣхъ мастеровъ слова, которыхъ призваніе бичевать пороки и фальшь: «ты, куколка моя, еще не знаешь: мы—господа, а есть другіе люди, то — мужики, такъ ихъ зовутъ; а боженька работать на господъ велѣлъ имъ строго — строго... Папа лошадокъ любить, мама любить шпича, а мужиковъ бранять всѣ, часто бьютъ, и право, даже жалко... зачѣмъ же вѣчно ихъ? Ведутъ себя, должно быть, очень худо... Вотъ и вчера: папа послѣ обѣда заснулъ себѣ; ну, развѣ хорошо: пришли, весь полъ запачкали, орали, какъ медвѣди: дай хлѣба намъ, панѣчку, дай намъ хлѣба! Зачѣмъ имъ захотѣлось вдругъ? Ну, и велѣли ихъ посѣчь—и чтожь? вѣдь подѣломъ».

На крестьянскій вопросъ, Кондратовичъ, конечно, смотрѣлъ какъ поэтъ, не вдаваясь въ его условія, сложность и трудности; вопросъ у него рѣшался моменталь-

но при помощи одного чувства, была бы только добрая воля. Отсюда у него произросла и повторялась идиллія— продолженіе тѣхъ, подобныхъ же идиллій, какими у насъ, еще ранѣе его, занимались умы ясные и трезвые, начиная отъ Красицкаго въ «Панъ Подстолій» до Т. Массальскаго — въ «Панъ Подстольничъ», а отъ этого послѣдняго—до второй части Іордана. Такъ у Кондратовича произошли: конецъ «Хатки въ лѣсу (1855 г. Борейковщина. IV. 241 — 340)» и «Деревенскіе политики (VI. 139—199)», произведенія, которыя, вмѣстѣ съ недоконченными отрывками (1860—1862 гг. Вильно), которымъ еще не было дано названія, составляли опыты поэта въ области современной комедіи. Отношенія къ театру явились послѣ того, какъ изъ своей глуши, онъ переселился въ столицу Литвы, откуда видъ былъ уже шире. Такъ какъ Кондратовичъ очень дорожилъ внѣшними заявленіями сочувствія, то сцена составляла для него большое искушеніе, сулившее въ одну минуту болѣе упоенія, чѣмъ всѣ газетныя рецензіи, взятыя вмѣстѣ. Искушеніе одержало верхъ, а при талантѣ, который поплащаль все, къ чему онъ ни прикоснулся, понятно, что публикѣ могла понравиться и «драматическая странность», сотворенная, такъ сказать,—изъ ничего. «Хатка въ лѣсу», это—вещь безъ характеровъ, безъ всякой завязки и дѣйствія, просто — нѣсколько діалоговъ, связанныхъ лирическою нитью; она состоитъ изъ восторговъ, надеждъ и разочарованій героя пьесы Генриха, въ которомъ поэтъ изобразилъ себя. Генрихъ ведетъ записки и гонитъ издателя, предлагавшаго ихъ купить. Но въ Генриха влюблена дочь маршалка Марія и мечтаетъ о счастьи съ нимъ, хотя-бы въ хаткѣ—въ лѣсу. Генрихъ, подъ этимъ вліяніемъ, продаетъ издателю свои записки, «сокровище своей души» и покупаетъ предлагаемый ему обманщикомъ дрянной кусокъ земли. Тамъ онъ строитъ домъ и затѣмъ, обращается къ Маріи съ предложеніемъ раздѣлить съ нимъ этотъ рай. Но прошель уже годъ, и Марія забыла о своей фантазіи; Ген-

риху она отказывается и только беретъ себѣ въ альбомъ рисунокъ его хатки.

Такъ и кончалась эта картинка. Но художественный смыслъ подсказалъ автору, что нельзя возбудить сочувствія къ герою тѣмъ только, что онъ далъ себя обмануть дѣльцамъ и женщинѣ. Въ маѣ 1855 г. окончена была первая часть «Хатки», а въ декабрѣ поспѣла уже и вторая, смагчающая непріятное впечатлѣніе первой и развивающая положительную сторону идеаловъ поэта на тему Горация: «*hoc erat in votis: modus agri, non ita magnus hortus, ubi et tecto vicinus aquae fons. Et paululum sylvae super his foret* ¹⁾). Понесши великія неудачи, Генрихъ однакоже преобразился въ земледѣльца, изъ хатки въ лѣсу сдѣлалъ прекрасную мызу, а изъ всей окрестности, которой онъ сталъ благодѣтелемъ—нѣчто въ родѣ общественнаго рая. Сосѣди его любятъ, окрестные крестьяне боготворять. И вотъ, неожиданный, разумѣется, случай происходитъ, какъ разъ на землѣ Генриха, съ коляской, въ которой маршалокъ везетъ за границу свою скучающую дочь. Въ душѣ ея оживаетъ прежнее чувство, при видѣ этой жизни, соединенной съ разумной дѣятельностью. Марія проситъ у Генриха прощенія, а отецъ, послѣ вкуснаго обѣда, благословляетъ. Тотъ лиризмъ, которымъ оживлена первая часть «Хатки», изображающая борьбу поэта во всякими неудачами, оказывается уже изчерпаннымъ во второй части, гдѣ поэтъ понастроилъ свои идеалики, блѣдные, слабые, не превышающіе простаго оказыванія взаимныхъ услугъ сосѣдями.

Одновременно выступили и тѣ недостатки, которые уже затѣмъ повторялись и во всѣхъ сценическихъ произведеніяхъ Кондратовича, недостатки, которые вообще дѣлали его неспособнымъ къ драматическому призванію. Драматическія произведенія его положительно относятся къ французской школѣ, выводящей на сцену общіе ти-

¹⁾ Вотъ что было въ желаніи: немного поля, небольшой садъ, гдѣ и близко отъ дома—источникъ. И немного лѣса, чтобы было на нихъ.

пы, долженствующіе цѣльно представлять то или другое свойство, а не къ той школѣ, какую составляютъ послѣдователи Шекспира—если только позволительно собрать ихъ въ одну школу, отличительной чертою которой было бы въ такомъ случаѣ—не выведение на сцену фигуръ, обозначенныхъ какимъ — либо общимъ ярлыкомъ, но—созданіе единичныхъ личныхъ типовъ, гораздо болѣе сложныхъ и разнообразныхъ, а тѣмъ самымъ и болѣе живыхъ. Кондратовичъ же, слѣдуя французской манерѣ, еще преувеличиваетъ ее, и вотъ гдѣ его коренная слабость. Каждый типъ у него обрисовывается впередъ, опредѣленно и ярко, каждый самъ какъ-бы рекомендуетъ себя публикѣ: я—моль—вотъ какой, у меня вотъ какіе вкусы и пороки. Разъ выведенный на сцену, каждый типъ неуклонно исполняетъ данную ему должность, не поддается никакимъ измѣненіямъ—вплоть до развязки. Зато же самая развязка въ томъ и состоитъ, что съ выведеннымъ характеромъ происходитъ внезапная перемѣна, которая и заключаетъ въ себѣ нравоученіе пьесы. Наговорившись и наспорившись съ другими лицами — представителями иныхъ свойствъ или направленій, главное лицо пьесы, подъ конецъ ея, безъ достаточной къ тому причины, вдругъ измѣняетъ свои взгляды и привычки, дѣлается сразу инымъ человѣкомъ. Такъ Вонторскій даетъ согласіе Пахоловецкому, Гюинскій прощаетъ сыну, Елена—своему жениху, а Марія превращается въ Магдалину. Такая портретная вырисовка дѣйствующихъ лицъ, вмѣсто того, чтобы дать имъ выразиться въ самомъ дѣйствіи, такое отсутствіе неизбѣжныхъ измѣненій въ характерахъ подъ вліяніемъ взаимнодѣйствія, а затѣмъ — внезапныя метаморфозы въ наклонностяхъ и жизни—лишали произведенія Кондратовича качествъ необходимыхъ для сцены. «Хатка въ лѣсу» понравилась, но только — своими прелестными лирическими отрывками и добрыми, человѣчными намѣреніями, какія въ ней вложены.

Между тѣмъ, событія шли быстро: крестьянскій вопросъ, доселѣ бывший лишь призракомъ, который вызы-

вался заклинаніями, сталь вдругъ дѣйствительностью и раздѣлилъ общество на два лагеря. Кондратовичъ, конечно, не могъ оставаться равнодушнымъ къ ходу того дѣла, отъ котораго зависѣла вся будущность края. Онъ выступилъ съ новой, тенденціозной пьесой, которая была прямо—*pièce de circonstance*; это—написанная въ 1858 г. и игранная въ Вильнѣ въ 1859 году, комедія: «Деревенскіе политики». Борьба между двумя направленіями проникла уже въ область семьи, разъединила старое и молодое поколѣнія. Здѣсь, Стефанъ, сынъ судьи, представляетъ собой повтореніе типа Генриха въ «Хаткѣ», но взятое уже въ иномъ фазисѣ; Стефанъ мечтаетъ, что уже наступила заря обновленнаго міра: «духъ божій самъ стучится въ окна крестьянскихъ избъ». Отецъ этого мечтателя такъ былъ поглощенъ газетной политикой, что даже забылъ уплатить въ срокъ въ банкъ, гдѣ заложено имѣніе. Но на мечтанія своего сына о прогрессѣ, судья смотритъ недовѣрчиво: «прогрессомъ съ мужичьемъ не далеко дойдетъ—начнетъ пороть, какъ всѣ, жида въ корчмѣ посадить, за дѣвками начнетъ охотиться и онъ, а вмѣсто школы будетъ винокурня». Рядомъ съ этимъ байбакомъ и банкротомъ, поставленъ другой типъ: «исправнаго», по старинному, помѣщика, скопидома, практическая мудрость котораго выражается такимъ образомъ: «хочетъ водки мужикъ; дай ему водки, онъ за—втрое скосить. Жидъ же не тѣмъ нехорошъ, что мужикъ у него разопъется; вредъ его тотъ, что себѣ онъ беретъ нашъ законный доходъ. Я въ корчму не пускаю жида—не хочу съ нимъ дѣлиться». Этотъ помѣщикъ—пріобрѣтатель, пожалуй, и отдалъ бы свою дочь сыну судьи, видя, что молодой человѣкъ хозяйничаетъ прекрасно. Но имѣніе судьи уже назначено къ продажѣ съ торговъ, и сосѣду гораздо выгоднѣе купить это имѣніе за безцѣнокъ, чѣмъ выдать дочь за банкрота. Дѣло однако устраивается такъ, что недоимку вносятъ крестьяне, желая, чтобы остался прежній помѣщикъ. Стефанъ объявляетъ тогда, что отдаетъ имъ землю на чиншевомъ правѣ. Казалось бы, что это

справедливо, такъ какъ помѣщикъ удержалъ имѣніе только по милости, крестьянъ. Сосѣдъ—практикъ не одобряетъ, разумѣется, такой уступки, но въ концѣ, въ силу одной изъ тѣхъ внезапныхъ перемѣнъ, которыя Кондратовичъ допускалъ такъ легко, мирится и съ этимъ: «ты съ чиншемъ, юноша, немного поспѣшилъ; потери, впрочемъ, я большой не вижу: ты нравственность крестьянъ под- нялъ, а это также можетъ дать доходъ».

Пьеса это, хотя и написанная, «на случай», но построенная слабо и слишкомъ боязливая по мысли, не могла, разумѣется, послужить программой для будущаго, получить такое значеніе, какое имѣло, въ свое время «Возвращеніе депутата съ сейма»—Нѣмцевича. Комедія Кондратовича обозначила собой не больше, какъ только мимолетный моментъ въ настроеніи общества, переходный моментъ между тѣми десятками лѣтъ, когда вовсе нельзя было касаться вопроса о положеніи крестьянъ—и временемъ самаго изданія уставовъ о ихъ освобожденіи, тѣмъ временемъ, которое произвело столь коренную перемѣну въ общихъ условіяхъ, что и самое обращеніе крестьянъ на оброкъ или на чиншъ представлялось уже дѣломъ отсталымъ. Тотъ или иной видъ зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ уступили мѣсто рѣшительному отдѣленію однихъ отъ другихъ, за которымъ ихъ могли связывать уже только сосѣднія отношенія. Началась чрезвычайно важная подготовительная работа въ губернскихъ комитетахъ, составленныхъ изъ землевладѣльцевъ и членовъ отъ правительства. Въ настоящее время нельзя не признать, что только небольшое число членовъ въ этихъ комитетахъ понимали историческое значеніе того момента и огромную важность происходившихъ въ комитетахъ постановокъ того или другаго изъ частныхъ вопросовъ. Большинство, въ сущности, хотѣли подъ самыми благовидными предлогами, удержать въ своихъ рукахъ ту рабочую силу, которую боялись потерять.

Посреди такихъ, вчерашнихъ еще прогрессистовъ, которые, подъ давленіемъ момента, обращались почти въ

реакціонеровъ, Кондратовичъ съ удивительнымъ ясновидѣніемъ уразумѣлъ необходимость рѣшенія радикальнаго. Къ негодованію, что то мѣстное общество, о готовности котораго къ жертвамъ онъ ранѣе имѣлъ столь высокое понятіе, стало колебаться, Кондратовичъ разразился полнымъ гнѣва стихотвореніемъ «На освобожденіе крестьянъ», въ которомъ поэтъ оказывался гораздо болѣе способнымъ въ данномъ случаѣ политикомъ, чѣмъ опытные калькуляторы и авторитетные ораторы въ комитетахъ: «Я полагалъ—напрасно крикуны бросали грязь въ имя дворянина; я думалъ—завтра, послѣзавтра скажутъ, что насъ не даромъ «благородьемъ» звали... А между тѣмъ—О край родимый мой, кто изорвалъ вѣнокъ твой благородный—отцы твои, своими именами, въ исторію внесли постыдный примѣръ практическаго попеченія о крестьянахъ. Мнѣ стыдно за тебя, о Вильно, не хочу я быть литвиномъ; со стыдомъ смотрю—на гербъ на дѣдовской печаткѣ».

VIII.

Этотъ дворянинъ—«хлопоманъ», не забывшій о гербѣ своего рода даже въ ту минуту, въ которой изрекалъ осужденіе «уѣзднымъ отцамъ», впадалъ въ гнѣвъ и страсть не столько тогда, когда отрицались его убѣжденія, сколько—когда наносилось оскорбленіе его демократическому чувству, болѣе сильному въ немъ, чѣмъ сословный духъ, въ какомъ онъ воспитался. Въ текущія дѣла Кондратовичъ вмѣшивался лишь въ исключительныхъ случаяхъ и то урывками, преимущественно въ защиту сельскаго люда, котораго онъ былъ адвокатомъ и представителемъ на Парнасѣ. На иныя цѣли и задачи ему недоставало той ѣдкой и непроходящей злости, которая, при наличности поэтическаго дарованія, и создаетъ сатиру нравовъ. Въ приведенныхъ уже стихахъ къ Крашевскому (Залучье, 1848 г. VI. 201), онъ самъ признается, что

не любить приправъ изъ уксуса и желчи и не чувствуетъ призванія «раздирать себѣ внутренности, чтобы произвести на свѣтъ свой трудъ, окровавлиять бѣдное сердце, потрясать нервъ за нервомъ, кипятить мозгъ такъ, что онъ едва не разрываетъ черепа, и въ этомъ видѣ, съ истерзанной грудью и разбитой головой, подобно безумцу, неистовствовать надъ перемаранной черною». Нашъ поэтъ писалъ не такъ: стихи его лились легко, въ минуты внезапнаго вдохновенія, въ формѣ вполне отдѣланной и наилучшими были именно тѣ, которые сложились такъ, сами собой. вмѣсто гложащей злости природа дала ему даръ, быть можетъ, менѣе полезный для общества, но болѣе пріятный, а именно такой неисчерпаемый запасъ веселости, такое блестящее остроуміе, такую способность смѣшнить, просто — смѣха ради, что волшебникъ этотъ своей скромной лирой могъ поочередно заставлять слушателей то плакать, то пускаться въ плясъ. Въ фантазіи его, подвижной, какъ волна, предметы отражались каждую минуту иначе, смотря по его личному настроенію. Можно сказать, что онъ владѣлъ рѣдкимъ свойствомъ схватывать всякую тему съ двухъ сторонъ и представлять ее, по волѣ, то со стороны серьезной и патетической, то со стороны забавной. Въ произведеніяхъ Кондратовича, особенно при составленіи вещей болѣе старательно обработанныхъ съ летучими набросками, встрѣчаешься съ такими противоположностями, что недоумѣваешь, какъ могъ ихъ написать одинъ человѣкъ и написать притомъ нисколько не измѣнивъ ни убѣжденій своихъ, ни направленія. Такую рѣзкую противоположность представляютъ именно тѣ выходки, которыя художникъ позволялъ себѣ, лично для себя, когда его занимала какая-нибудь новая мысль; то были какъ бы частныя, фамиллярныя выходки противъ того, что онъ же писалъ при отправленіи своей должности Аполлонова жреца.

Извѣстно, что Кондратовичъ былъ человѣкъ глубоко религіозный, а между тѣмъ, у него вырвался же стихъ, что стоявшіе подъ крестомъ чувствовали голодъ (1859. VII.

173). Сравнимъ также заботливо обработанный, полный величія образъ Сигизмунда III, исповѣдующагося у Скарги, въ «Старыхъ воротахъ» (1856. III. 9), съ той картинкой, которая находится въ «Впечатлѣніяхъ странника» (1858. VII. 141), видящаго фигуру того же короля на краковскомъ предмѣстьѣ: «Съ крестомъ и саблею, онъ съ высоты колонны, кичится безтолковыми дѣлами, и будто говоритъ: народъ, народъ—я выострилъ тотъ мечъ, которымъ ты пронзенъ; а крестъ мой вырѣзанъ рукою іезуитской и ты на немъ самъ за грѣхи казнь примешь». Еще болѣе любопытный матеріалъ для такого противопоставленія имѣется въ загадочномъ стихотвореніи Кондратовича «Прошедшее», найденномъ уже по его смерти и напечатанномъ въ «Kalendarzu Ilustrowanym» Яворскаго на 1874 г. Стихотвореніе это помѣчено такъ: w Zacierzewie, 1851. Зацержевѣ, это—усадебъ залучскихъ сосѣдей Кондратовича—Пашкевичей, и имя этой мѣстности находится на многихъ стихотвореніяхъ, написанныхъ до переѣзда поэта въ Вильно (X. 331—334). Что оно дѣйствительно могло быть написано въ Зацержевѣ, это подтверждается и указаніемъ на 1851 годъ. Эти стихи, прежде всего, непріятно дѣйствуютъ какимъ-то особеннымъ оптимизмомъ «нынѣ, когда дышется такъ легко, когда мы любимъ другъ друга свободно», тогда какъ Кондратовичъ вовсе не былъ оптимистомъ, а еще менѣе эпикурейцемъ. Затѣмъ, въ стихахъ этихъ проявляется удивительное отношеніе къ прошедшему Польши. Во всю свою жизнь, поэтъ колѣнопреклоненно взывалъ къ «святому прошлому». Въ такомъ настроеніи онъ былъ при концѣ жизни, но въ такомъ же онъ и началъ свою дѣятельность, когда, еще въ Залучи (1845 г. VI. 157), онъ шелъ, съ свѣчею погребальной—къ могиламъ отцовъ, чтобы отыскать въ прахѣ ихъ костей все великое и благородное, и возвратиться съ великой исторической пѣснью. Не разъ выставлялъ онъ какъ верхъ геройства—самопожертвованіе женщины, которая, изъ любви къ странѣ или народу, соглашалась на бракъ безъ любви.

Внезапно, и неизвѣстно по какой причинѣ, поэтъ обрушивается на это, прежде и послѣ обожавшееся имъ прошедшее и упрекаетъ его за скандалы, ссоры и развратъ—внѣ дома, а въ домѣ—за неравноправное положеніе женщины; словомъ—за разные такіе грѣхи, которые тяготятъ вовсе не надъ одной польской исторіей, но составляютъ общій скорбный листъ всѣхъ націй въ средніе вѣка. Стихотвореніе «Прошедшее» до такой степени отличается отъ всего написаннаго Кондратовичемъ, что многіе—и въ ихъ числѣ г. Коротынской, котораго показаніе изложено далѣе въ выноскѣ—видятъ въ этомъ произведеніи выдержанную иронию, вещь написанную для осмѣянія неправедныхъ судей прошедшаго. Съ такимъ взглядомъ трудно согласиться: въ стихахъ этихъ не чувствуется тона ироніи, напротивъ они кажутся написанными совершенно серьезно. Слѣдуетъ принять во вниманіе, что 1851 годъ имѣлъ большое значеніе въ исторіи умственнаго развитія поэта. Это тотъ памятный годъ, когда онъ побывалъ въ Вильнѣ (Крашевскій. 52. Январь 1851 г.) и когда его часто посѣщали въ Залучы молодые, университетскіе пріятели (стр. 45. Августъ 1851 г.). Въ это время Кондратовичъ почти—было втянулся въ водоворотъ борящихся умственныхъ партій и очутился лицомъ къ лицу съ самыми новыми теоріями въ областяхъ религіи, исторіи и общественнаго быта. До того момента, когда у него голова разболѣлась отъ прогрессистскихъ криковъ, прежде, чѣмъ онъ рѣшительно устранился и отъ реакціонныхъ консерваторовъ, и отъ насильственныхъ реформаторовъ, онъ долженъ былъ, хоть разъ, испытать на себѣ искушеніе и поддаться тому обаянію, съ какимъ представляется молодому, легко воспламеняющемуся воображенію самая смѣлость новыхъ взглядовъ. Легко могло случиться, что послѣ одного изъ такихъ жаркихъ диспутовъ, подъ вліяніемъ захватившей его бури новыхъ мыслей, онъ и попробовалъ начертить свойственнымъ ему образомъ, ту, несходную съ прежней, перспективу, какая передъ нимъ на минуту раскрылась. За-

тѣмъ, оставшійся слѣдъ того момента, когда поэтъ поигралъ съ разрушительнымъ стремленіемъ вѣка, былъ или заброшенъ, или спрятанъ въ столъ, а та гармонія, которая характеризовала его душу, не дала ему унести въ безбрежное море мечтаній о передѣлкѣ челоуѣчества, и вотъ онъ возвратился къ прежнему настроенію и къ своимъ всегдашнимъ привязанностямъ. Этотъ позабытый листокъ однако нашелся послѣ смерти поэта, и не вредя его славѣ, представляетъ собой лишь еще одну дополнительную черту для его характеристики, доказываетъ, что челоуѣкъ этотъ могъ превращаться, какъ Протей, и отзывался, какъ эхо, на всѣ голоса своего времени ¹⁾).

¹⁾ Такъ какъ стихотвореніе Кондратовича «Прошедшее», при появленіи въ календарѣ Яворскаго, вызвало разныя сужденія и споры, то предшествующее мѣсто настоящаго очерка было въ свое время сообщено г. Коротынскому, издавшему первое полное собраніе сочиненій поэта. Содержаніе отвѣта, присланнаго г. Коротынскимъ приводимъ за сѣмъ въ сокращеніи.

Въ 1871 году, въ то время, когда г. Коротынскій былъ занятъ издаваніемъ поэзій Кондратовича въ пользу семьи послѣдняго, издателю было доставлено изъ Минска отъ г. Камилла де-Белльѣ значительное число стихотворныхъ набросковъ Сырокомли, находившихся въ рукахъ жены г. де-Белльѣ, урожденной Пашкевичъ. Почти всѣ они были написаны въ Зацержевѣ, на какой-нибудь случай. Нѣкоторыя изъ этихъ, небольшихъ вещей г. Коротынскій помѣстилъ въ полномъ собраніи стихотвореній, какъ имѣвшія художественное значеніе, но «Прошедшее» помѣщено не было, за неимѣніемъ достаточныхъ разъясненій со стороны приславшихъ. Впослѣдствіи г. Коротынскій напечаталъ его въ редактированномъ имъ же «календарѣ Яворскаго», безъ всякихъ комментаріевъ, такъ какъ самая мысль этого произведенія ему казалась совершенно ясною. Однако, вслѣдствіе возникшихъ недоразумѣній, сама г-жа де-Белльѣ, въ отвѣтъ на запросы двухъ знакомыхъ, сообщила слѣдующія фактическія подробности: Кондратовичъ въ 1851 году ѣздилъ въ Вильно, по дѣламъ своей аренды въ Залучи, и аренды своихъ родителей Тулонки, зависѣвшихъ отъ управленія радзивилловскими имѣніями, которое находилось въ Веркахъ. Въ Вильнѣ разныя общественныя обстоятельства подѣйствовали на поэта подавляющимъ образомъ. Въ такомъ настроеніи онъ пріѣхалъ въ Зацержевъ, гдѣ жила г-жа Пашкевичъ съ двумя дочерьми, изъ которыхъ одна (г-жа Іозефина де-Белльѣ) и сообщаетъ эти свѣдѣнія. Молодыя дѣвушки знали, что лучшимъ средствомъ, чтобы вывести Кондратовича изъ такого тяжелаго нравственнаго состоянія, было - противорѣчить ему, пачать съ нимъ спорить. И вотъ, онѣ стали ему доказывать, что въ старыя времена, въ Польшѣ, «не умѣли любить, а слѣдовательно не могло тамъ и быть ничего хорошаго». Кондратовичъ не могъ переспорить своихъ собесѣдницъ, но взялъ въ руки перо и набросалъ тѣ стихи, о которыхъ идетъ рѣчь, и которые такъ въ Зацержевѣ и остались.

IX

Силу свою въ родѣ сатирическомъ или комическомъ Кондратовичъ сознавалъ вполнѣ, но онъ смотрѣлъ на поэзію серьезно, не хотѣлъ быть шуткомъ, какимъ иногда является Гейне, и если отдавался цѣликомъ веселому настроенію, то—только въ ближайшемъ, тѣсномъ кружкѣ, набрасывая стихи, которые, хотя и были впоследствии напечатаны, но первоначально для печати не предназначались. Таковы были сперва стишки на разные случаи, шутки надъ знакомыми, пародіи прощанія Чайдъ Гарольда (VI. 126) и Горациевой оды (*Quem tu Melpomene semel*): «кому ты, муза, сядешь разъ на шею, тотъ ужъ пристрастится къ такому занятію, какъ складываніе стиховъ, подъ деревомъ или надъ прудомъ, лежа кверху животомъ своимъ тощимъ» (Залучье. 1844 г. VI. 143). Затѣмъ пошли шутивыя посланія къ товарищамъ—литераторамъ и забавныя переодѣванья боговъ и героев Греціи и Рима, какъ въ опереткахъ Оффенбаха, но съ большимъ вкусомъ и безъ элемента нескромности. Такъ, у него Эней шествуетъ размахисто, покуривая короткую люльку, въ тирскія палаты Дидоны (VI. 277); Овидія везутъ въ Пинскъ, а Юлія, дочь Августа, кокетничаетъ съ юнкеромъ преторьянской гвардіи (VII. 254). Эту неисчерпаемую веселость можно было примѣнить съ большою пользою для искусства. Уже и самая пародія несомнѣнно входитъ въ область искусства и хотя не занимаетъ въ ней

И такъ, по убѣжденію г. Коротынскаго, стихи эти составляютъ не приговоръ надъ прошедшимъ, но наоборотъ—защиту его, въ формѣ прощеской. Затѣмъ, онъ сопоставляетъ неуважительные отзывы въ этомъ стихотвореніи о прошломъ вообще, а также о нѣкоторыхъ историческихъ лицахъ, какъ напр. о Янѣ и Яковѣ Собѣскихъ, съ полными уваженіями его же отзывами о тѣхъ же дѣлахъ и лицахъ—въ иныхъ его произведеніяхъ. Происшедшее недоразумѣніе г. Коротынскій приписываетъ лишь неточности нѣкоторыхъ выраженій и наконецъ, напоминая о своей дружбѣ съ Кондратовичемъ, отклоняетъ всякую мысль, чтобы обнародованіе упомянутыхъ стиховъ могло быть сколько-нибудь несогласно съ уваженіемъ къ поэту.

высокаго мѣста, однако требуетъ особаго таланта. Кондратовичъ владѣлъ имъ въ высокой степени отъ природы, но не могъ дать ему развиться, потому что современники были болѣе склонны къ увлеченіямъ и восторгамъ, нежели къ осмѣянію, и несомнѣнно усмотрѣли бы въ томъ измѣну, еслибы художникъ занялся не отливкой изъ бронзы—великихъ историческихъ фигуръ, а вырѣзываніемъ ихъ изъ картона и одѣваніемъ ихъ въ шутовское платье. Кондратовичъ былъ слишкомъ хорошій патріотъ, чтобы дерзнуть на подобное кощунство, хотя бы даже для шутки. Самое бѣльшее въ этомъ направленіи, на что онъ рѣшался, было—выводить въ смѣшномъ видѣ какого-нибудь обознаго или мародера, или такую фигуру, которая уже въ преданіи представляется забавной, въ родѣ напр. графа (комеса) де-Вонторы или сторожеваго рыцаря Белины (II. 332 Борейковщизна. 1856 г.), какого-либо чудака или глупца, обратившихся уже въ поговорку. Народныя поговорки послужили Кондратовичу источниками для лучшихъ его рассказовъ: Матыска, Залощаго, нищаго по ремеслу и въ особенности—пана Марка, блуждающаго по аду. Маркъ былъ при жизни нахлѣбникомъ магнатовъ и вотъ, въ аду они не хотятъ его знать, шляхта отъ него отворачивается, а крестьяне бѣгутъ прочь, такъ, что онъ осужденъ на всю вѣчность скитаться одинокимъ. Потомъ онъ идетъ кланяться сосѣдямъ изъ дворянъ, но оттолкнутый и шляхтой и крестьянами, опять пойдетъ предлагать свою службу панамъ (1852 г. I. 332).

При разработкѣ поговорокъ, Кондратовичъ попалъ на мысль дѣйствительно глубокую, на богатую, почти нетронутую руду: ему захотѣлось возстановить репутацію одного изъ такихъ историческихъ, вошедшихъ въ поговорку глупцовъ, а имѣнно Филиппа изъ Коноплей, котораго имя обратилось въ названіе для всякой неумѣстной и несвоевременной выходки. Мысль эта пришла ему вскорѣ по переѣздѣ въ Вильно (1853 и 1854 г.), но долго она не отливалась у него въ подходящую форму. Въ письмѣ къ Кра-

шевскому (стр. 78), онъ говоритъ: «жду пока чернила вскипятятся въ чернильницѣ. Изъ почтеннаго Филиппа сдѣлали посмѣшище за то, что онъ «выскочилъ» съ чѣмъ-то некстати. Мнѣ кажется, что это былъ человѣкъ не низшій, а высшій по развитію, чѣмъ его современники. Сказалъ онъ что-нибудь крайне умное, но такъ какъ тогдашнее общество не было приготовлено къ выслушиванію такихъ истинъ, то его осмѣяли и имя его обратили въ поговорку. Бываетъ такъ, что именно умственное превосходство наказывается осмѣяніемъ». Наконецъ, сложилась маленькая поэма изъ семи отрывковъ съ эпилогомъ, представившая рельефные моменты изъ жизни почтеннаго, но непрактичнаго человѣка, который говоритъ прекрасныя вещи, но вѣчно — не къ мѣсту и не въпадѣ. Еще въ школѣ, гдѣ патеры знакомятъ его съ мифологическими богами, онъ возстаетъ противъ нихъ и за это пріемлетъ розги; потомъ, онъ защищаетъ жидовъ отъ насилія и за это слыветъ вождемъ Израиля; вмѣсто того, чтобы жениться на красивой и богатой дѣвушкѣ, онъ самъ посягаетъ ей, изъ доброты, выйти за своего соперника; находясь на службѣ у воеводы, онъ на выборахъ подаетъ голосъ за противника своего патрона, вслѣдствіе чего воевода его прогоняетъ, а на пирѣ у противника онъ всетаки не приглашенъ. Далѣе, попавъ въ депутаты на сеймъ, Филиппъ на банкетѣ провозглашаетъ тостъ за здоровье крестьянъ и объявляетъ, что потребуетъ на сеймѣ предоставленія имъ равноправности и внесетъ предложеніе объ обложеніи дворянства налогами; тогда дворяне бьютъ его и рубятъ; на послѣдокъ, уже передъ смертью, онъ догадывается замѣтить приходскому священнику, что грѣхъ брать десятину съ бѣдной деревушки и что не всякъ, кто соблюдаетъ посты, получитъ спасеніе; и вотъ священникъ не даетъ ему отпущенія грѣховъ (II 154. 170). Заслуживающій уваженія, добрый, но несчастливый панъ Филиппъ, это — одна изъ самыхъ удачныхъ фигуръ Сырокомли, созданная притомъ почти изъ ничего, такъ какъ поговорка дала ему только одно имя, съ краткимъ допол-

неніемъ, что человѣкъ дѣйствовалъ невпопадъ. Такая тема какъ бы напрашивалась на фарсъ: авторъ менѣе талантливый и вывелъ бы изъ нея какого-нибудь запальчиваго дурака, придумавъ для него разныя комичныя положенія. Кондратовичъ взглянулъ на тему серьезнѣе, и неумѣстности, служившей посмѣшищемъ, придалъ значеніе преждевременности, превосходства надъ вѣкомъ.

Изъ такой постановки предмета могла выйдти широкая историческая сатира. Если Филиппъ изъ Коноплей подвергся всеобщему осмѣянію за то, что мыслилъ гуманно и выступалъ противъ несправедливости, то каково же было то общество, которое смѣшало съ грязью его и многихъ ему подобныхъ? Въ исторіи каждый новый шагъ, будь онъ впередъ или назадъ, совершается на счетъ множества человѣческихъ существъ, оставляетъ за собой слѣдъ страданій, нерѣдко и крови. Вызвать представленіе не о томъ, что восторжествовало, но о томъ, что было раздавлено, предано позору или убито—это почти тоже, что сдѣлать великое открытіе, навести мысль на пути новые, лежащіе въ сторонѣ отъ слишкомъ торной дороги исторической славы, какъ бы приподнять край завѣсы, прикрывшей иную, быть можетъ еще болѣе обширную—область историческихъ страданій. Нѣтъ нужды доказывать того большаго значенія, какое можетъ представлять разработка этой малоизвѣстной страны, это нѣчто въ родѣ опытовъ исторической диссекціи. Нѣсколько подобныхъ опытовъ, исполненныхъ безъ страсти, съ хладнокровіемъ натуралиста, могли бы подвинуть насъ далѣе и лучше урегулировать наше отношеніе къ прошлому, чѣмъ всѣ написанныя доселѣ исторіи, такъ какъ въ нихъ прошедшее явилось бы передъ нами полнѣе, истиннѣе, ярче, чѣмъ въ тѣхъ акварельныхъ работахъ, какія мы доселѣ имѣемъ. Труда хватило бы на нѣсколько поколѣній, чтобы исчерпать ту богатую руду, на которую Кондратовичъ натолкнулся въ своемъ Филиппѣ изъ Коноплей. Но самъ онъ извлекъ изъ нея лишь одну небольшую вещь, не созналъ цѣны сво-

его открытія, поступилъ въ родѣ того швейцарца, который, послѣ битвы при Грансонѣ вбѣжавъ въ палатку Карла Смѣлаго и захвативъ крупнѣйшій его алмазь, продалъ его за нѣсколько грошей, считая его стекломъ. Самый выводъ Кондратовича изъ приключеній Филиппа и его судьбы, представляется довольно безсодержательнымъ, въ какомъ смыслѣ его ни принять: въ положительномъ-ли, или въ ироническомъ: «горячими стремленьями души не увлекайся, а лишь смотри, что выгодно, что—нѣтъ. Открой лицо, но сердце подъ замкомъ держи, и прежде, чѣмъ собой пожертвовать, спроси — умно-ли? Будь холодно воздерженъ въ словѣ, и въ дѣлахъ. Не—то тебя Филиппомъ изъ Коноплей всякъ прозоветъ. Прошли уже годъ героевъ огненныхъ, и нынѣ—только кровь, и брань да слезы, вотъ и вся ихъ мзда!»

Если бы однако поэту задали вопросъ—а когда же были годъ огненныхъ героевъ? —то онъ, самъ конечно, отвѣтилъ бы, что никогда. Разумѣется, приведенныя правила нравственности, пригодной для улитокъ, преподаны авторомъ въ шутку; такую нравственность Кондратовичъ презиралъ, такъ какъ самъ былъ человѣкъ искренній и непрактичный, и лично смахивалъ на Филиппа изъ Коноплей, если не во всемъ, что сдѣлалъ, то въ томъ, какъ относился къ разнымъ вещамъ. Отличался же онъ отъ этого героя тѣмъ, что однажды поселясь въ заколдованной области обожаемаго прошедшаго, онъ уже и до конца жизни представлялъ себѣ ее такою именно, не поддаваясь тѣмъ колебаніямъ, какія иногда возникали въ его же умѣ, не понявъ даже и возможности спуститься въ одинъ изъ болѣе глубокихъ Дантовыхъ круговъ, въ ту бездну, гдѣ и понынѣ трещать на огнѣ исторіи—души сродныя пану Филиппу изъ Коноплей.

X.

Не слѣдуетъ однако простираеть требовательности слишкомъ далеко и вмѣнять поэту въ вину, что онъ не совершилъ такихъ дѣлъ, къ которымъ не былъ склоненъ по своей природѣ и не побуждался современнымъ ему настроеніемъ общества. Ему недоставало новыхъ идей и сильной страсти—двухъ условій, безъ которыхъ нельзя стать нравственнымъ властелиномъ своего вѣка. Умственный организмъ его, мягкій, чувствительный, вмѣщавшій въ себѣ яркія противоположности, еще въ самой колыбели кругомъ обвился домашними преданіями. Прибавимъ вмѣстѣ, что эта традиція привязывала его къ себѣ лишь тѣми, дорогими нитями, какія представляютъ установившіяся издавна добродѣтели и чистыя нравственныя понятія; всѣ иныя связи съ прошлымъ оборвались на немъ, ничто невѣжественное, грязное, глупое не приставало къ этой великолѣпной и благородной натурѣ, составленной исключительно изъ лазури и лучей солнечныхъ. При томъ, умъ его вовсе не былъ обыкновенный, но исполненный откровеній, доступный всѣмъ теченіямъ и дуновеніямъ духа времени, схватывавшій на полусловѣ новыя идеи и инстинктивно сознававшій общественныя потребности. Такъ какъ тотъ періодъ, въ которомъ онъ жилъ, былъ безцвѣтенъ, а общество было осуждено на бездѣйствіе, то вѣянія духа времени могли дѣйствовать лишь незримо, въ устной пропагандѣ и вліяніи литературы, посредствомъ теоріи и разсужденія, болѣе, чѣмъ путемъ опытовъ. Но и среди этихъ невидимыхъ, носившихся въ воздухѣ элементовъ, поэтъ усвоивалъ себѣ никакъ не всѣ безъ разбора. Круговая безнадежность, разнузданная чувственность, готовая къ подозрѣніямъ зависть, не переносящая ничьего превосходства, расколъ общества на крайнія противоположности—все это осталось ему навсегда чуждымъ. Изъ демократизма и радикализма, онъ всасывалъ и усвоялъ только

то, что въ нихъ было привлекательнаго: вѣру въ непрерывность движенія впередъ, въ совершенствованіе чело-вѣчества и горячее желаніе, чтобы люди и націи подвигались къ сближенію, къ братству, при помощи связей преимущественно нравственныхъ, посредствомъ работы на пользу народныхъ массъ и ихъ нравственнаго подъема.

Изъ сліянія элементовъ давнихъ и новыхъ, слагалось какое-то чудесное единство, какъ бы радужная дуга, связующая два міра, и вотъ по ней-то, какъ по мосту, поэтъ пытался идти впередъ, во слѣдъ прогресса могучаго, уже заранѣе провозглашавшаго близкое торжество свое, паденіе невѣжества и неправды. Его-то, этотъ прогрессъ, Кондратовичъ напутствовалъ такими словами: «О Боже мой, когда онъ пустится въ свой соколиный путь, то пусть чело его осѣнится крестомъ. Ты поддержи благія въ немъ желанья, пусть голова его не закружится и рукъ своихъ онъ не опуститъ долу». («Часы» VII. 41. Борейк. 1857 г.). Оказалось однако впоследствии, что мость, уже соорудившійся въ мысли, былъ лишь оптическимъ обманомъ, что самый прогрессъ былъ еще немногимъ болѣе призрака; по меньшей мѣрѣ—что нравственный тотъ прогрессъ, какой имѣлъ въ виду поэтъ, совершается лишь незамѣтно, медленно, осуществляется мелкою ежедневной работою, единично—невеликими, но сборными усиліями, которыя напрягаются въ одну сторону, что прогрессъ шествуетъ походкою улитки, а не летитъ орломъ. Крайности разошлись еще далѣе, чѣмъ можно было ожидать. Цѣлыхъ два материка, какими оказались традиція съ одной стороны и новыя стремленія—съ другой, представились нашимъ глазамъ еще болѣе взаимно отдаленными, какъ будто шире разлилось разъединяющее ихъ море. А всетаки, работать надъ сближеніемъ ихъ необходимо и мость съ одного на другой строить должно, но только болѣе «постепенно, систематично и прочно».

(Конецъ 1875 и Январь 1876 г.).